

С. 2
**«Сегодня настало время,
когда мы должны доказать,
что кровь мучеников не
была напрасна»**
3 мая, в праздник Собора новомучеников,
в Бутове пострадавших, Святейший Па-
триарх Московский и всея Руси Кирилл
совершил Божественную литургию под
открытым небом на Бутовском полигоне

С. 4
«Ты их помни...»
В своём интервью священник Максим
Плякин, член комиссии по канонизации
подвижников благочестия Саратовской
епархии, рассказывает о сложной ситуа-
ции, сложившейся в связи с почитанием
новомучеников XX века, и о тех на-
деждах, которые появились в последнее
время

С. 5
**Май–июнь 1917:
свидетельства очевидцев**
Как и несколько номеров назад, мы
решили обратиться к голосам тех, кто
видел 1917 год не на расстоянии, а вблизи.
На события мая и июня, середину пути
между февральскими и октябрьскими
событиями, мы посмотрим глазами исто-
рика, священника, помещика и поэта

**Приложение «Вестник
просвещения»**
После Рождественских чтений мы уже
рассказывали о круглом столе, орга-
низаторами которого стали Синодаль-
ный Миссионерский отдел и Свято-
Филаретовский институт. Но за рамками
посвящённой этому событию новости
остался ряд интересных выступлений.
Сегодня мы публикуем их фрагменты

Тема номера Церковь

В поисках путей к норме церковной жизни

10–12 мая Свято-Филаретовский институт провёл международную богословскую конференцию по экклезиологии

Пленарное заседание третьего дня конференции в конференц-зале Культурно-просветительского центра «Преображение»

Международная конференция по экклезиологии, проходившая в мае 2017 года в Москве, с одной стороны, продолжила конференцию, которая в начале 1990-х годов проводило Преображенское братство (прежде всего Афанасьевские чтения 1993 года, а также конференции об общине, братстве, церкви), а с другой – конференцию «Православное учение о Церкви», организованную в ноябре 2003 года Синодальной богословской комиссией. И всё-таки не так уж часто на эту тему говорят в последние десятилетия – это подтвердили и эксперты, давшие «Кифе» интервью накануне конференции. Митрополит Каллист (Уэр) при этом отметил, что пора православным делать акцент на вопросах экклезиологии не только в межконфессиональном диалоге, а декан Свято-Владимирской семинарии протоиерей Джон Бэр (Американская православная церковь) признался, что не помнит, когда у них проходили конференции на эту тему. Ректор СФИ свящ. Георгий Кочетков предположил, что обсуждение экклезиологических вопросов происходит так редко из-за их остроты. Границы церкви, роль иерархии в ней, сама

типология экклезиологии – всё это может рождать серьёзные споры.

Наследие протопресвитера Николая Афанасьева

После всех этих предварительных обсуждений я ехала на конференцию с большим оптимизмом, надеясь, что все острые вопросы так или иначе будут на ней затронуты. Правда, тема конференции – евхаристическая экклезиология, разработанная протопресв. Николаем Афанасьевым, – казалось бы, несколько сужала контекст разговора. И действительно, евхаристической экклезиологии был посвящён практически весь первый день работы конференции.

Основной доклад «Опыт систематизации евхаристической экклезиологии протопр. Николая Афанасьева» прочитал зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики Свято-Филаретовского института профессор Давид Гзгзян. Старший преподаватель СФИ Николай Клюев рассказал о рецепции экклезиологических взглядов протопр. Николая Афанасьева в православной богословской мысли второй половины XX века.

Окончание на с. 3

О причинах катастрофы, о надежде и промысле Божиим

Мы продолжаем публиковать ответы архиереев на вопрос:
«Каковы уроки минувшего столетия?»

**Митрополит Ташкентский и Узбек-
кистанский Викентий:** Если смотреть с
духовной точки зрения, то, конечно, нужно
воспитывать в себе и во всём нашем обще-
стве дух мира и согласия. Думаю, что основ-
ная причина той трагедии, той катастрофы,
что произошла в 17 году XX столетия, – это
недовольство людей тем, что есть. Мы
всегда должны быть благодарны Богу за
всё – и за скорбь, и за радость. А когда в нас
начинает превалировать недовольство тем,
что есть, тогда начинаются проблемы, и
ситуация доводится до такого состояния,
недовольство обретает такую негативную
силу, что разрушает и то, что было самого
лучшего в нашей жизни. Вы видели, что в
этой катастрофе – в революции – ничего
хорошего не добились. Лучше не стало, и
даже сейчас ещё не дошли до того уровня,
который был до этого. Вот что значит быть
недовольным: мы теряем то, что есть, в том
числе и самое лучшее.

Митрополит Викентий

**Архиепископ Женевский и Западно-Европейский
Михаил (РПЦЗ):** Сегодня мы с вами встретились в хра-
ме Христа Спасителя, в храме, которого уже не было, –
вот урок. За рубежом, в эмиграции, когда мне было 15
лет, я спросил отца: «Я Россию никогда не увижу?» И он
ответил: «Ты – увидишь». Это не надежда, это что-то
другое. Помимо надежды это постоянное сосредото-
чение на промысле Божиим, на том, что всё совершается
по Его воле. Как я стремился увидеть Россию! И вот это
случилось. Это не значит, что если бы я не стремился,
всё сложилось бы по-другому, но я помню, как мы жили
этим. Я не мог понять слов отца, что я – увижу Россию,
но главное, что когда я это услышал, я не стал отрицать.
Вот что важно. Сто лет – это хороший период, чтобы
испытать такие вещи.

Беседовала Анастасия Наконечная

Первый шаг мы уже сделали

Интервью с президентом
Всемирной конференции
ассоциаций богословских
институтов Петросом
Вассилиадисом

**Профессор, не могли бы Вы
рассказать, как вопросы эк-
клезиологии практически
разрешаются в Греции?**

За последние, скажем, 20–30 лет
только один результат был достигнут
достаточно прочно. Это более частое
причастие и, я бы сказал, почти все-
общее участие в этом. Такого не было 20
лет назад. Когда я впервые как профес-
сор знакомил студентов с евхаристиче-
ской экклезиологией, говорил о важ-
ности евхаристической жизни, в нашем
храме по воскресеньям причащались не
более десяти человек. Спустя 20–30 лет
более половины из 400–500 прихожан,
а иногда и две трети причащаются на
воскресной литургии. И это вызвало ре-
акцию наиболее консервативных людей,
задавших вопрос, почему мы можем
причащаться на каждой литургии.

Итак, у нас в Греции сделан большой
шаг вперёд, но на сегодняшний момент
это относится только к вопросу прича-
щения за каждой Евхаристией. К слову,
в православной диаспоре все прихожане
причащаются, если, конечно, они не
отлучены от церкви. И только тем, кто
отлучен, не позволено причащаться.

Раньше в традиционных Поместных
церквях – Греческой, Русской, Чешской,
Сербской, Болгарской – люди неохотно
принимали участие в Святом причастии.
И вот сделан шаг вперёд, и не только
благодаря о. Николаю Афанасьеву, но и
о. Александру Шмеману (а в нашем, гре-
ческом контексте – митр. Иоанну (Зизи-

Профессор Петрос Вассилиадис

уласу)) и многим другим, объяснившим
важность Евхаристии для Церкви, для Ее
жизни. Вот тот единственный результат,
который я вижу.

Что же касается синодальной систе-
мы, к сожалению, Синод по-прежнему
представлен исключительно иерархией.
Изначально должен был существовать
Синод местной церкви; местная церковь
со своим предстоятелем в первоначаль-
ной церкви рождала совет епископов,
каждый из которых представлял мнение
целого диоцеза. В настоящее время, к
сожалению, на мой взгляд, в каждой из
церквей епископы призваны участвовать
только своё собственное мнение. Этот
недостаток по-прежнему существует, эта
проблема всё ещё не решена.

**Отец Николай Афанасьев
говорил о том, что она вос-
ходит ко второму веку.**

Да, это безусловно так. Было и влия-
ние секулярного государства с целью
сохранять стабильность государства и
стабильность церкви. Но стабильность
церкви основана на омпсихии¹, омофо-
нии², все и каждый призваны участвовать
в этом. И это то, что нам необходимо обре-
сти, чтобы расти и развиваться в будущем.

Беседовали Александра Кольмагина,
Анастасия Наконечная

Перевод с английского Тамары Фадеевой

¹ Единодушие (греч.).

² Созвучие, согласие (греч.).

«Сегодня настало время, когда мы должны доказать, что кровь мучеников не была напрасна»

Из слова Святейшего Патриарха Кирилла после Литургии на Бутовском полигоне

3 мая 2017 года, в праздник Собора новомучеников, в Бутове пострадавших, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Божественную литургию под открытым небом на Бутовском полигоне. По окончании богослужения предстоятель Русской православной церкви обратился к верующим с проповедью.

Сегодня, в четвертую субботу после Пасхи, по сложившейся в новейшее время замечательной традиции мы собираемся здесь, на Бутовском полигоне. На антиминсе, которым сделалась земля Бутовского полигона, мы возносим Господу бескровную Жертву и молимся об упокоении невинных. И, наверное, каждый, кто вспоминает невинно убиенных, думает о том, что только силой Божией и в ответ на молитвы мы можем получить от Господа времена мирные, исполненные справедливости и милостивого отношения к людям, которые навсегда исключили бы из нашей жизни опасность повторения того, что произо-

шло в нашем Отечестве в страшные годы послереволюционного уничтожения веры и Церкви.

Сегодня мы слышали отрывок из книги Деяний (12:1-11), которая читается в Пасхальный период. В нём повествовалось о том, как по приказу Ирода был заточен в темницу апостол Пётр – в праздник Пасхи и дни опресноков. Ирод намеревался вывести Петра к народу, но незадолго до того апостол был чудесным образом избавлен. В темнице, где Пётр лежал меж двумя воинами, скванный двумя цепями, явился ангел, сбросил с него оковы и вывел наружу, несмотря на две стражи, то есть две группы воинов, которые охраняли путь от темницы к вратам... Апостол Пётр выводится Божией силой из этого страшного заточения и обретает свободу. Какую он свободу обрёл? Внешнюю свободу, от внешних уз. Было ли это хорошим делом? Несомненно, ибо если бы Пётр не обрёл внешней свободы и остался в темнице, то наверняка бы погиб, и это бы очень осложнило проповедь о Христе Воскресшем.

Наверное, когда наши братья и сёстры, мученики XX века, находились в заточении, когда их везли сюда на грузовиках, чтобы расстрелять, каждый с верой в сердце просил Господа: «да минует меня чаша сия», но Господь попустил смерть ни в чём не повинных мучеников.

То, что рука Божия совершает, не всегда бывает понятно сразу, но становится ясным по прошествии времени. И мы понимаем, что жертва наших мучеников была великой силой, могущей преобразовать всю жизнь нашего народа.

Сегодня настало время, когда мы должны доказать, что кровь мучеников Бутовских и всех иных не была напрасна. Мы должны открыть глаза всем, в первую очередь нашим соплеменникам, чтобы они поняли, какой путь ведёт в бездну, в погибель. Очевидно, что духовное возрождение не могло бы произойти, если бы не подвиг новомучеников, их жертва, их святые молитвы об Отечестве нашем, о народе нашем, о Церкви нашей.

Сегодня мы слышали Евангельское чтение (Ин 8:31-42), в котором приводятся замечательные слова Спасителя, обращённые к иудеям, но ими не понятые. Он сказал: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными». Ему отвечают: «Мы дети Авраама и никогда ни у кого в рабстве не были. О какой свободе Ты говоришь?» Тогда Господь объясняет им, о какой свободе идёт речь, – о том, что существует высшая, абсолютная свобода, свобода от греха. Это не внешняя свобода, не та свобода, которую обрёл апостол Пётр, не та свобода, которой лишились новомученики, но свобода внутренняя, которая есть путь в Царствие Небесное.

Внутренняя свобода делает человека свободным вне зависимости от внешних обстоятельств, и те, кто не предал Христа, в том числе на краю Бутовских рвов, были свободны, несмотря на страшное насилие, несмотря на непреодолимую силу зла и жестокости.

...Невозможно управлять свободными людьми, навязывая им нечто, что расходится с Божественной истиной. Вот почему Церковь всегда находится в положении если не гонимой, то критикуемой, потому что те, кто желает контролировать народное сознание, понимают: куда есть Церковь, тотального контроля никогда не будет.

...А для того чтобы мы с вами никогда не разменяли Божественную истину на ложных идолов, в том числе навязываемых современным информационным потоком, мы должны обращаться за помощью к святым мученикам и исповедникам Церкви нашей, включая тех, кто лежит здесь, на Бутовском полигоне. Их молитвами да сохранит Господь Церковь Русскую, да сохранит Господь наш народ, Отечество наше, и мы дерзаем обращаться к ним с молитвою, да сохранит Господь весь род человеческий от плена вражия. Аминь.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси. Фото с сайта Патриархия.ru

Л.Н. Жилин. Август 1945 года

А о войне-то мы меньше всего поговорили...

С однопольчанином моего деда Леонида Николаевича Жилиных мы знакомы несколько лет. Мы с папой нашли на сайте Министерства обороны документы о гибели деда в 1944-м под Гомелем, там же была указана часть, в которой он воевал. Через интернет вышли на ветерана, воевавшего в том же полку и раненного в той самой битве, в которой мой дед был убит, – в Калининско-Мозырской операции.

В этом году Леониду Николаевичу – 94. Живёт один, в квартире прибрано, на подоконниках растёт много цветов: «А я, знаешь, люблю цветы». Жена Леонида Николаевича умерла двадцать лет назад. Есть сын, который постоянно приезжает, привозит уже приготовленную еду, звонит по несколько раз в день. Вместе они не съезжаются.

У Леонида Николаевича очень активная жизнь – он возглавляет совет ветеранов своей 132-й стрелковой дивизии первого Белорусского фронта, а может быть, уже и целой армии – их ведь всё меньше остаётся. В этом году накануне 9 мая Леонид Николаевич обзвонил 24 ветерана, из них только трое смогли прийти на встречу, которую они каждый год проводят в парке Горького. Народу-то много приходит, но в основном – жёны, дети, внуки однопольчан.

Часа три не отпускал меня Леонид Николаевич – конечно, рассказывал о войне: «Я стою, пули свистят! Страшно ужасно! Считаю танки, которые на нас идут, а их десятки! Тут подбегает ко мне комиссар: «Ты чего стоишь? Пулю получить захотел? Немедленно в окоп!» Так и спас меня тогда».

Неожиданно разговор переключается

на детство, юность. Оказывается, Леонид Николаевич родился в Петрограде – в 1923 году. Через два года умер отец, и мама отправила Лёню вместе с сестрёнкой в деревню к бабушке с дедушкой. Там всё было прекрасно, пока не наступила коллективизация. Дедушка хоть и не учился нигде, но был самоучкой и хозяйство вёл «по науке»: поросята у него были в шесть пудов, коровы, куры, всё как положено. В деревне пользовался авторитетом. А тут вдруг начали такие нормы требовать по сдаче продуктов, что пришлось деду в один год отдать буквально всё, что было в доме, – не то что на посев, а и семье поесть в ближайший год едва хватало бы. Однако этим дело не кончилось. И как-то к дому подъехала подвода и забрала всё – всю оставшуюся еду и почти всю мебель, оставили только стол, табуретки да кровати, чтобы спать было где.

– Что делать? А было мне уже лет семь или восемь. И дала мне тогда бабушка такую холщовую сумку через плечо. Вот, говорит, в деревне 60 домов, в эти несколько не заходи, а по остальным пройди, попроси, кто что даст. Так я и ходил раз в неделю: кто хлеба даст, кто яйца. Потом дедушка всё делил на оставшиеся дни – и так жили. В школе меня обзывали кулаком, никто не дружил со мной, дети-то знаешь, какими злыми бывают. А над дедушкой был суд, и приговорили его покинуть Московскую область, в которой мы жили. Но дедушка никуда, конечно, не ушёл, жил дома. Зато у меня появилась ещё одна обязанность: гуляя по улице, следить, не идут ли красные. Как только появлялись – я бегом к деду, и тот прятался в бурьян! Так мы целый год и продержались. А потом бабушка продиктовала мне письмо для мамы: «Если ты не приедешь, мы умрём». Мама приехала. С мебелью. Мебель,

правда, вскоре отобрали всё на той же телеге – Комитет бедноты, в просторечии Комбед, не спал.

Но всё-таки семья Жилиных оказалась спасена. Мама закончила курсы счетоводов, устроилась работать совсем в другой деревне, перевезла к себе и детей, и родителей – и зажили они совсем по-новому. «Снова у нас появилась корова, а это и молоко, и творог, и сметана – вот мы зажили-то!» – весело вспоминает Леонид Николаевич.

– А что же, не озлобились Вы после этого на советскую власть?

– Что ты, я потом и комсомольцем стал, а после Курской битвы в партию вступил. Конечно, не озлобился. Я думал, что это у нас в деревне люди такие плохие попались, что всё отобрали решили. Потом ведь всё хорошо у нас было. А ещё после семилетки я закончил педучилище и успел до войны побыть учителем. Знаешь, как учителей уважали в деревне? Все друг друга Манька да Танька зовут, а меня как увидят, 17-летнего, – шапку снимают, здравствуйте, говорят, Леонид Николаевич. Я ведь не только детей учил, но и взрослых тоже – дети сами в школу ко мне ходили, я одновременно вёл 1 и 3 класс, нас этому и учили специально – как двум классам одновременно преподавать. А к родителям я ходил по домам после работы. Мы с одной учительницей поделили деревню пополам – к одной половине я ходил и взрослых грамоте обучал, к другой она.

– И что же, больше ни с чем таким не сталкивались в жизни, отчего по-другому на Советский Союз посмотрели бы? Вот заградотряды у вас были, например?

– У нас не было никогда. А знаешь что было? После войны я закончил энергетический институт и попал на работу, как говорят, «в ящик»*. Так у меня одно

время, это ещё в начале 1950-х годов было, руководителем был заключённый. Я прихожу на работу, а потом его приводят под конвоем, он мне даёт задания, объясняет всё, а потом его увозят в Тушино, там у них было место проживания. Нам было запрещено говорить на любые темы помимо работы, но мы довольно быстро сблизились, как-то доверились друг другу. И вот он рассказал, что арестовали его в 1937-м после того, как они отпраздновали в компании чей-то день рождения. И кто-то на дне рождения анекдот рассказал. А потом, когда уже моего начальника этого арестовали, следовательно ему говорил: это что же, все остальные пришли к нам и всё рассказали, а вы молчали? Я был уверен, что его держат в лагере безвинно, но считал, что вот и ему не повезло – с товарищами по празднованию. Не было такого понимания, что это целая система – казалось, что просто такие единичные случаи происходили то там, то тут.

Долго мы пили чай с Леонидом Николаевичем, много он порассказал – как сейчас его приглашают в разные школы, как в усадьбу Абрамцево он ездит в училище к молодёжи – многим сейчас интересно про войну расспросить. Спрашивала я его и о вере: «Да знаешь, я хоть и атеистом считаюсь, но ведь живу-то, посмотри, по заповедям, ну хотя бы стараюсь так жить – никого не обижаю, не обманываю, не ворую...»

Уходить не хотелось. Кто знает – когда ещё увидимся? Договорились, что в августе Леонид Николаевич передаст мне диск с его видеозаписями о войне. Ведь о войне-то мы меньше всего поговорили.

Анастасия Наконечная

* «Ящичками» в народе назывались «закрытые», чаще всего работающие на оборону учреждения, т. к. связь с ними осуществлялась через «п/я (почтовый ящик) №...».

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org;
в **Москве:** в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в **Санкт-Петербурге:** в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в **Париже:** в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37

(София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-50-35

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-03-91

(Татьяна Благодарова)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-909-551-20-11,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-43-05

(Ольга Кузнецова)

США, Канада: 1-651-210-49-22,

oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Борк», г. Москва,

ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 5 июня 2017 г.

Время подписания в печать по графику – 9.00,

фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 7 июня 2017 г.

В поисках путей к норме церковной жизни

Начало на с. 1

10–12 мая Свято-Филаретовский институт провёл международную богословскую конференцию по экклезиологии

Ректор Свято-Филаретовского института профессор священник Георгий Кочетков

Вслед за ними на пленарном заседании выступил профессор Фессалоникийского университета, президент Всемирной конференции ассоциаций богословских институтов Петрос Вассилиадис с докладом «Вопрос о первенстве в богословии и практике православных церквей».

Эти доклады, как и другие вопросы, касавшиеся евхаристической экклезиологии, можно было обсудить не только на пленарном заседании с докладчиками, но и на большом круглом столе, который проходил в течение нескольких часов. Вместе с мирянами активное участие в обсуждении этих вопросов принимали священнослужители, приехавшие из самых разных городов России (всего в конференции участвовало 97 человек из восьми стран, 25 городов и 18 епархий Русской православной церкви, а также из Элладской православной церкви и Православной церкви в Америке). Это вносило в разговор особую остроту, особенно когда говорили о соотношении практики современной приходской жизни с евхаристической экклезиологией.

А.М. Копировский прочитал лекцию об образе храма в XXI веке

Вопрос о границах

Работа симпозиума была построена таким образом, что поговорить всерьёз удалось не только о евхаристической экклезиологии. Весь второй день был посвящён различным типологиям экклезиологии, среди которых немалое место было уделено и теме общинно-братской экклезиологии, о которой отдельный доклад сделал свящ. Георгий Кочетков. Протоиерей Джон Бэр в видеозаписи, сделанной специально к конференции, рассказал о типах экклезиологии как отражении опыта церковной жизни, а Дмитрий Гасак – о типах экклезиологии у протопресвитера Николая Афанасьева и других попытках типологизации экклезиологий в православной церкви. В итоге основным вопросом обсуждения на втором большом круглом столе, где мог выступить любой участник конференции, стал вопрос о границах церкви. Причины расхождения церковных границ, значение канона и канонического права и даже действительность и действенность таинств в связи с вопросом о границах Церкви – вот неполный перечень затронутых на нём проблем.

Дискуссия. Выступает профессор Петрос Вассилиадис

Служение

Современной практике, хотя о ней и говорили в течение всей конференции, специально был посвящён третий день – служение мирян, служение женщин, чины поставления на служение. При этом не раз вспоминали недавно произошедшее в Александрийской церкви рукоположение в диаконы пять женщин. Завершилась конференция докладом о. Георгия Кочеткова «Пророческое и учительское служение в современной церковной жизни».

Как видно, уже сами темы представленных докладов обозначали серьёзные проблемы нашей современной жизни, длящиеся порой не только десятилетиями, но и столетиями. Однако общий тон конференции был далеко не пессимистичный. Конечно, в течение всей конференции совершались вечерни и утрени, постоянно на разных языках звучало «Христос воскрес!», была замечательная лекция проф. Александра Копировско-

Видеовыступление профессора протоиерея Джона Бэра

го об образе храма в XXI веке с представлением очень интересных студенческих находок, когда, например, не оглашаемые выходят из храма после окончания литургии оглашаемых, а верные из притвора входят в храм после слов дьякона: «Верные, войдите». Один из вечеров был посвящён образам Церкви в русской культуре. Так или иначе, но слова проф. Вассилиадиса, благодарившего Свято-Филаретовский институт за «неоценимый вклад в обновление православной церковной жизни» и «неустанные усилия по сохранению евхаристического видения», за «открытость миру» и «вклад в усилия нашей церкви по обретению заново единства и соборности», действительно отразили происходившее на конференции.

Думаю, что сборник материалов этой конференции будет интересен не только богословам, преподавателям и студентам богословских вузов, но и многим архиереям как русской, так и других поместных церквей. Ведь по существу вся конференция с разных сторон отвечала на один вопрос: что есть подлинная Церковь Христова и в чём её призвание сегодня.

Анастасия Наконечная

Фото: Александр Волков, Олег Свечников

Председатель оргкомитета конференции первый проректор СФИ Дмитрий Гасак

К столетию восстановления патриаршества в Русской православной церкви

19 мая в Томской православной духовной семинарии по благословению митрополита Томского и Асиновского Ростислава при участии Свято-Филаретовского института состоялась конференция «Патриарх Тихон (Беллавин): вызовы времени и церковные ответы на них»

На конференцию, прошедшую в актовом зале Томской духовной семинарии 19 мая, приехали гости из Москвы и Санкт-Петербурга с докладами о жизни и деятельности патриарха Тихона.

Профессор протоиерей Георгий Митрофанов, доктор церковной истории, заведующий кафедрой церковной истории Санкт-Петербургской православной духовной академии, вспомнил те надежды на преодоление страшного мора, охватившего Россию в 1917 году, которые были связаны с избранием патриарха и его призывами «остановить кровавое безумие». Однако уже через несколько лет тон патриарших посланий изменился. По мнению отца Георгия Митрофанова, патриарх понимал, что ему необходимо взять на себя бремя компромисса, чтобы спасти остатки церкви, в первую очередь священников, за которых, кроме патриарха, заступиться никому. «В то же время его компромиссы всегда имели чёткие границы, и выразить их можно вошедшими в историю словами патриарха Тихона: “Пусть погибнет имя моё в истории, лишь бы Церкви была польза”, – отметила в своём выступлении Маргарита Шилкина. Находясь под сильным давлением

ГПУ, дважды под арестом, противостоя обновленческому расколу, святитель Тихон, как истинный архипастырь, спасал не церковную структуру, а церковь как верующий народ Божий – епископов, священников и мирян в их единстве. Он осознавал свою ответственность за то, что сможет сказать народу в это переломное время.

Для понимания истоков патриаршего служения святителя Тихона очень важным был доклад исполнительного директора Культурно-просветительского фонда «Преображение», выпускницы СФИ Евгении Литвиненко, посвящённый деятельности по устройению братств в Северной Америке. Успех миссии молодого епископа зависел от того, найдёт ли он поддержку пасомых – многоконфессиональной и полиэтнической бедноты, прибывшей в Новый Свет в поисках лучшей жизни, и он увидел возможность созидания церковной жизни в создании православных братств. «Не хочу, чтобы сложилась иллюзия, что епископ Тихон был исключительно братским настроенным человеком, – заметила при этом докладчица. – Но, столкнувшись с не-

традиционной ситуацией, епископ Тихон смог воспринять братства не просто как социально-экономическое, но и как церковное явление, смог опираться на них в созидании церковной жизни».

Стоит отметить, что этот опыт позднее отразился в том, что призыв «созидать духовные союзы» – это первое, что предложил патриарх Тихон после катастрофы 1917 года. По данным, приведённым в докладе декана факультета религиоведения Свято-Филаретовского православно-христианского института Маргариты Шилкиной, призыв противостоять революционному бесчинству созданием православных братств звучал в обращениях патриарха в течение 1918 года шесть раз. Сам же доклад был посвящён служению местоблюстителей патриаршего престола, а также постоянных членов Священного Синода, избранных на Поместном соборе 1917–1918 годов. Не менее важно было вспомнить церковную позицию тех, кто был помощником, секретарём, келейником патриарха Тихона – то есть самых близких ему людей, которых, как и местоблюстителей патриаршего престола, выбирал он сам лично.

Доклад священника Тихона Смокотина, преподавателя Томской православной духовной семинарии, был посвящён теме «1917–1925 годы. Время патриарха Тихона в истории Томской епархии». Интереснейшие архивные поиски позволили отцу Тихону показать участие томских делегатов в работе Поместного собора 1917–1918 годов, увидеть собор их глазами, показать всю трагичность и в то же время единство церковной истории в столицах и в глубинке России. Были продемонстрированы архивные кадры видеосъёмки Томска 1918 года.

Завершилась конференция просмотром и обсуждением документального фильма «Александр-Невское братство». Представил фильм и вёл его обсуждение режиссёр, председатель Елизаветинского малого православного братства, выпускник СФИ Олег Глаголев.

Участников конференции принял для беседы по её темам митрополит Томский и Асиновский Ростислав.

Полностью новость Марии Мельниковой опубликована на сайте Свято-Филаретовского института

В Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской включены новые имена

4 мая 2017 года в ходе заседания Священного Синода Русской Православной Церкви был заслушан доклад председателя Синодальной комиссии по канонизации святых епископа Троицкого Панкратия о материалах, представленных в комиссию Екатеринодарской епархией и касающихся включения в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской имён священников, пострадавших на Кубани в 1918 году.

Священный Синод постановил включить в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской имена священников Михаила Лисицына (1862–1918 гг.) и Александра Флегинского (1861–1918 гг.).

Память священника Михаила Лисицына положено совершать 26 февраля (11 марта), память священника Александра Флегинского – 24 марта (6 апреля).

Имена новопрославленных святых будут сообщены предстоятелям братских Поместных православных церквей для включения в святцы.

Священник Михаил Михайлович Лисицын родился 19 октября 1862 года в селе Екшур Рязанского уезда Рязанской губернии в семье священника. По окончании Рязанской духовной семинарии в 1883 году поступил на службу преподавателем в сельскую Задне-Пилевскую школу Рязанской губернии. В 1885 году рукоположен во диакона, затем во священника и определён в Троицкий храм села Катино Скопинского уезда Рязанской губернии.

В 1895 году прибыл к месту своего нового служения – во Владикавказскую епархию, где служил в станице Кисловодской. Деятельность пастыря была отмечена Святейшим Синодом, наградившим его 11 мая 1902 года

Библией «за ревностные труды и заботы о воспитании детей». В 1907 году отец Михаил перешел в Ставропольскую епархию, став третьим священником в селе Александровском, а в 1912 году был назначен в Николаевский храм станицы Усть-Лабинской Кубанской области.

22 февраля 1918 года, в день вступления в станицу большевистских войск, был арестован, а 26 февраля убит ими же. Известно, что он был мучим в течение трёх дней с пятницы до воскресенья. Когда тело было найдено, на нём оказалось более десяти ран, голова была изрублена на куски. Красноармейцы запретили предавать останки земле, но вдова отца Михаила смогла найти средства и выкупить тело для погребения.

На заседаниях Всероссийского Церковного Собора 20 сентября 1918 года был оглашён особый список лиц, пострадавших за веру и Церковь. В нём были указаны кубанские священники, в том числе Михаил Лисицын.

Священник Александр Космич Флегинский родился 19 февраля 1861 года в семье священника. По окончании в 1883 году Ставропольской духовной семинарии получил место псаломщика при Казанском соборе города Ставрополя. В этом же году рукоположен во диакона, а затем во священника и определён в клир храма мученика Лонгина Сотника станицы Ключевой Кубанской области. В 1885 году переведён в станицу Красногорскую, где занимал должность окружного миссионера, а затем окружного духовника в благочинии. Был членом Ставропольского епархиального церковно-археологического общества.

В 1908 году переведён в станицу Георгие-Афипскую и назначен благочинным 17 округа. После захвата станицы большевистскими войсками в марте 1918 года по населённому пункту пронеслась волна насилия и скорых расправ. В это же время схвачен и изрублен на куски красноармейцами отец Александр. Впоследствии была установлена дата смерти – 24 марта. Тело было найдено за пределами станицы спустя семь месяцев после убийства. Сын отца Александра смог вывезти останки в город Екатеринодар, где 18 сентября в Александроневском соборе при большом стечении народа и духовенства состоялось отпевание.

Архиерейский Юбилейный Собор 2000 года определил: «В послесоборное время поименное включение в состав уже прославленного Собора новомучеников и исповедников Российских совершать по благословению Святейшего Патриарха и Священного Синода, на основании предварительных исследований, проведённых Синодальной комиссией по канонизации святых» (пункт 14 Деяния о Соборном прославлении Новомучеников и исповедников Российских).

«Ты их помни...»

Интервью со священником Максимом Плякиным, членом комиссии по канонизации подвижников благочестия Саратовской епархии

Отец Максим, шесть лет назад* Вы рассказывали «Кифе» о тех проблемах, которые связаны с сохранением памяти новомучеников и исповедников. Остаются ли эти проблемы актуальными?

Ситуация, сложившаяся в последнее время в связи с почитанием новомучеников XX века, по-прежнему сложная, я бы даже сказал – аномальная. Все века церковной истории формальное признание подвижника святым выросло из предшествующего народного почитания. Сегодня же мы – свидетели того, что в Соборе новомучеников Церкви Русской почти нет подвижников, которых бы к моменту канонизации уже почитал церковный народ; почитание этих святых мы вынуждены фактически «вводить сверху». Я надеюсь, что постепенно ситуация изменится: именно этому служат наши ежегодные празднования, посвященные новомученикам, и рассказывающие об их подвиге издания, которые мы постоянно выпускаем. Чрезвычайно отраднo, что наш правящий архиерей понимает важность этих проектов и очень поддерживает их. Особенно это касается нашего давнего труда, книги о святых Саратовской епархии, которая, я надеюсь, в этом году выйдет из печати.

Нужно сказать, что Саратовская область – богатая святыми, но несчастная земля. Если у наших соседей, например, в Пензенской области, даже в разгар гонений на епархию было два закрытых храма – с моей точки зрения, сказочное богатство: у них были храмы, которые не закрывались! – то Саратовскую область «выкосили в ноль», и несколько лет епархия стояла вообще без евхаристии. Наверное, кто-то подпольно служил по домам, в каких-нибудь подклетах (этого мы просто не знаем), но легальное богослужение было выбито. У нас не было действующих храмов, не было зарегистрированных священников, и нынешний наш кафедральный собор вернули лишь после начала войны. И то власти ещё год с лишним раскачивались: только в сентябре 1942 года в епархии появился первый храм.

О многом говорит такой эпизод: в апреле 1940 года священник, вернувшийся из казахстанской ссылки, подал прошение об открытии храма, в котором он прежде служил. Храм стоял, он не был разрушен, насколько я помню, просто пустовал, пылился. Власти тут же оформили заключение, что храм в аварийном состоянии и параллельно арестовали священника. Этот храм, который якобы разваливался и должен был вот-вот рухнуть, пришлось через шесть лет разрушать принудительно, потому что рушиться он так и не хотел. Священника же в декабре 1941 года отправили в Карагандинский лагерь, откуда он уже не вернулся, он – мученик. Священномученик Иоанн Заседателев. Так что когда нам говорят, что в войну происходило возрождение церкви, я всегда к этому отношусь с большим скепсисом. Достаточно вспомнить, что в июле 1943 года в тюрьме райцентра Саратовской области – города Балашова – погиб святой преподобномученик Феодор (Богоявленский), которого отправили в эту самую тюрьму в декабре 1941 года.

Проблема почитания, наверное, связана ещё и с тем, что живых свидетелей тех событий, о которых Вы говорите, уже не осталось. Хотя, возможно, ещё живы свидетели хрущевских гонений и последующих преследований, когда людей за веру «прорабатывали», увольняли, выгоняли из институтов.

У нас в Саратове третий храм в городе, почти миллионнике, был открыт лишь ближе к 1990 году. Десятилетиями в городе было лишь два храма, между ними буквально 15 минут ходьбы. Тех, кто приходил на пасхальное богослужение, было видно, как на ладони. И я ещё застал людей, которые сквозь комсомольские печочки – кордоны вокруг храмов на Пасху – были вынуждены прорываться просто ради того, чтобы попасть на службу. Понятно, что их имена переписывались и у всех потом были те или иные проблемы. То, что они готовы были эту цену платить, уже, на мой взгляд, стоило очень дорого. Тем более что гонения в России продлились больше полувека. Такого ни разу не было в истории. Гонения в древности длились максимум год-два, даже великое диоклетианово гонение продолжалось чуть больше двух лет.

Иногда говорят, что почитание новомучеников в советские годы не сохранялось. Я хочу рассказать историю из собственного детства. В один прекрасный момент наши бабушки, тихие мирные Божьи одуванчики, меня (лет 14 мне тогда было) взяли за руку, отвели на старое городское кладбище и сказали: «Максимушка, смотри, вот тут – наши святые. Вот этот владыка был в ссылке, его большевики гнали. Вот этот батюшка из ссылки вернулся с переломанной спиной (действительно, мы нашли потом фотографию – он вернулся из лагеря с повреждённым позвоночником, сгорбленным ходил). Вот тут лежат убиенные (у нас сохранилась могила расстрелянных в гражданскую войну), ты их помни. Ты сюда приходи». Я был ещё парнишкой, не так давно крещённым, и мне их показали, эти могилы, а потом я, уже псаломщиком, приходил помогать служить панихиды;

потом я там служил панихиды сам, а недавно на той же самой могиле я уже служил молебн. Я участвовал в подготовке материалов к канонизации двоих из почти полусотни человек в той братской могиле, к которой меня когда-то просто за руку подвели и сказали: вот, это здесь.

А Вы говорите, что нет народного почитания...

Оно есть, но не для всех. Вот пример нашего города: шесть почитаемых могил – епископ Саратовский Вениамин, архиепископ Саратовский Досифей, игуменья Антония, настоятельница нашего женского монастыря (её забили во время следствия насмерть), братская могила убиенных, где лежит епископ Герман и духовник с повреждённой спиной протоиерей Константин. Из шести могил только в одной лежат канонизированные святые, в братских могилах из полусотни погибших прославлены двое. Получается, что народное почитание и канонизация пересекаются, но только частично. То же самое в других местах: если вспомнить Москву, владыка Арсений (Жадановский) – не канонизирован, протоиерей Валентин Амфитеатров – проповедник, просветитель, дореволюционный ещё подвижник, при том, что по нему есть даже заключение Синодальной комиссии, что нет препятствий к канонизации, до сих пор не прославлен.

Все последнее время шла речь о том, что канонизация приостановлена.

Недавняя канонизация владыки Серафима (Соболева) означает, что если даже этот двенадцатилетний период закрытия всего и вся не закончился, то, по крайней мере, что-то меняется. Я надеюсь, что благодаря этим изменениям и народное почитание с канонизацией начнёт как-то воссоединяться. Не хочу хулить подвиг канонизированных: я достаточно проработал со следственными делами, чтобы понимать, что эти простые, никому не ведомые сельские батюшки, которых в лучшем случае знала та деревня, в которой они служили, – реальные мученики. Однако они оказались настолько безвестными при жизни, что народного почитания просто не успело сложиться. В этом смысле меня очень воодушевила практика Греческой Церкви. У них – два списка святых: список известных по именам и список по именам неизвестных – и они сопоставимы по длине. Вот пример: общий праздник в честь святых родственников Василия Великого в воскресенье после Богоявления. Дед и бабушка святого Василия – исповедники максиминова гонения, и бабушку мы знаем по имени – Макрина Старшая, а дедушка был настолько безвестным мучеником, что его имя пропало из истории. Но то, что он – дедушка Василия Великого и мученик, мы знаем, поэтому Макрину включили в поимённый список, а этого неизвестного дедушку – в безымянный список. Ведь то, что мы не всё знаем о святом, не повод для того, чтобы его не почитать. Что с того, что мы не знаем имя жены Григория Нисского? Ведь он сам – один из Каппадокийцев! – говорит, что его жена скончалась в благодетии. И этого свидетельства хватило, чтобы в святцах параллельно с именем Григория была строчка и в безымянном списке: «Неизвестная по имени супруга Григория Нисского».

Может быть, сейчас сдвинется и туниковая ситуация с опорой на свидетельства следственных дел при суждении о канонизации? Ведь очевидно, что многие документы НКВД намеренно сфальсифицированы (иногда со стремлением опорочить подследственного), и им нельзя доверять.

Когда в 2014 году в Общецерковной аспирантуре проходила конференция по мартирологии, я выступал на пленарном заседании и говорил как раз об этом: мы – последнее поколение, которое ещё может что-то проверить. Мы ещё застали в живых тех, кто мог либо подтвердить данные следственных дел, либо их опровергнуть; но уже наши дети этой возможности лишены начисто. Они будут жить в ситуации, когда живых свидетелей просто не будет. И это проблема.

Сейчас Синодальная комиссия по канонизации полностью приостановила подготовку канонизации мучеников 1930-х годов именно для того, чтобы выработать методологию работы со следственными делами. Уже стало понятно, что их нельзя воспринимать как несомненный источник, но, с другой стороны, источник они от этого быть не перестают. И мы все, члены региональных комиссий по канонизации, надеемся на то, что эта выработанная, взвешенная методология позволит наконец вернуться к прославлению не только мучеников гражданской войны и красного террора, но и Большого террора конца 1930-х годов.

Беседовали Александра Колымагина и Анастасия Наконечная
* Кифа №2(124), январь 2011 года

Молебен на могиле саратовских священномучеников совершает о. Максим Плякин

Священник Михаил Лисицын

Восстановленное в 2016 году надгробие на могиле о. Александра Флегинского

Май–июнь 1917: свидетельства очевидцев

Как и несколько номеров назад, мы решили обратиться к голосам тех, кто видел 1917 год не на расстоянии, а вблизи и оставил нам свои размышления и наблюдения. Сегодня существует ценнейший источник, собравший множество живых свидетельств о нашей истории двух минувших веков, – электронный корпус личных дневников¹. Авторы – люди самых разных политических симпатий, разного возраста, социального происхождения и уровня образования. Мы выбрали небольшую часть записей, относящихся к маю и июню 1917 года, чтобы увидеть события мая и июня, середину пути между февральскими и октябрьскими событиями, глазами историка, священника, помещика и поэта. Выбрать было невероятно трудно, всё казалось важным, а многообразие голосов создавало тревожную полифонию, которая, надеемся, хотя бы отчасти прозвучала и в нашем материале...

М.М. Богословский (50 лет), историк, профессор Московского университета и Московской духовной академии. Среди мирного описания проверки семестровых сочинений, отзывов на кандидатские работы, собственных научных исследований постоянно возникают сначала описания «революционных» эпизодов жизни академии и университета, а потом всё более и более тревожные размышления...

5 мая. Пятница. Политическое положение несколько, кажется, уладилось составлением коалиционного министерства. Социалисты, прикоснувшись к власти и государственным делам с положительной стороны, может быть, несколько и образумятся. В трамвае от вокзала видел ленинца, читавшего вслух газету «Правда» своему соседу, студенту сельскохозяйственного института, а затем рабочему, раненому солдату с георгиевской ленточкой. Агитатор гнусного вида с длинными космами в широкополой шляпе внашум слушателям необходимость бороться с буржуазией, ругал Гучкова и Милюкова. Голова рабочего, где нет никакого твёрдого, прочного, начинялась обрывками поверхностных и звонких фраз. Так этот сумбур и распространяется по России!

10 мая. Среда. Московские солдаты не хотят выходить в лагерь, ссылаясь на то, что там они будут лишены возможности «вести культурно-просветительную работу». Как будто государство держит их, кормит, поит, одевает и обувает не для военного дела, а для культурно-просветительной работы! Идут дебаты по этому вопросу в ротных и прочих комитетах и в Совете солдатских депутатов – и это называется «армия»! Да, революция хороша, когда она сменяет старый порядок новым, лучшим; но хороша ли она, когда сменяет старый порядок полным беспорядком, полнейшим хаосом и развалом! Верховный главнокомандующий Алексеев произнёс речь на каком-то, уж не знаю на каком, съезде офицерских делегатов – и речь эта прозвучала совсем уже похоронным звоном. Было войско, и нет его!

20 мая. Суббота. Кронштадт отделился от России, образовав самостоятельную республику с Советом рабочих депутатов во главе. Вышел в отставку министр торговли и промышленности А.И. Коновалов, начавший революционный движение, сохранивший у себя совещание в Москве, на котором и было принято требование министерства из людей, «общественным доверием облечённых». Трубочком этого совещания, провозгласившим затем лозунг в Думе, был Челноков. Теперь Коновалов пожинает, что посеял. Отставку свою он объяснил так же прямо и искренно, как и Гучков, – полным отсутствием какой бы то ни было власти у Временного правительства и развалом промышленности. Гучков сказал о развале армии, Коновалов – о развале промышленности. Итак, развал и развал повсюду. Прочие кадеты пока держатся, но, видимо, дни их сочтены, и мы изумим мир социалистическим министерством.

23 мая. Вторник. Размышлял о наших социалистах, возводящих на пьедестал «пролетария». Западные социалисты

стремятся достигнуть равенства, сравнившись с богатыми людьми, разбогатеи; наши желают равенства, разорив богатых и сведя их на положение пролетариев.

24 мая. Среда. Русской земле, очевидно, нужно переболеть социализмом, как дети болеют корью или скарлатиной. Эта болезнь, протекавшая в скрытой форме с 1870-х годов, теперь вышла наружу. Бациллы должны, развившись, покончиться, изжив сами себя, как это бывает с культурами бацилл. Может быть, потом и выздоровеем. Ушли Верховный главнокомандующий Алексеев и главнокомандующий Гурко. Не могут мириться с развалом и беспорядком.

25 мая. Четверг. Пришёл А.М. Фокин для совета по поводу магистерской программы. Он рассказывал грустные вещи об отношениях в деревне. Крестьяне держат себя вызывающе нагло по отношению к помещикам, всячески притесняя и оскорбляя их.

28 мая. Воскресенье. В газетах статьи об английской и французской нотах русскому правительству, в которых на нас смотрят уже как почти на отпавших от союза. Позор! Там же статьи о возможной железнодорожной забастовке. Это обозначает два дальнейших факта: голод и сепаратный мир. Вот приятные известия, которые приносят газеты – и так каждый день. И всё ещё живём, завтракаем, обедаем, шутим, острым, собираемся на заседания и т. д.

3 июня. Суббота. В Москве необычайно жарко и душно. Улицы в такой грязи, какой они, я думаю, никогда ещё не видели, потому что дворники бастуют и их не метут. Валяются массы рваной бумаги и всяческого сора, и всё это ветром переносится с места на место, ослепляя пылью проходящих.

7 июня. Среда. Весь день на пароходе. Мне удалось отыскать себе место в общей каюте, и вообще, большинство демократической публики слезло в Калязине. Стало просторно. Палубы вымели от подсолнухов, в колоссальных размерах поедаемых нашей демократией, загрязняющей их скорлупой все места, где она находится. При грызении подсолнухов выражение лица делается необычайно тупым и бессмысленным, а челюсти в непростанном движении и работе. В зерне подсолнуха, должно быть, зерно нашей «свободы». В Угличе, церквями которого мы любовались с берега, опять село много солдат, крайне грязно одетых. Некоторые вызывающе нагло держат себя перед офицерами. Непременно надо подойти к офицеру не иначе, как с папироской в зубах, заложив руки в карманы. Чести, разумеется, никто уже не отдаёт. ...Вид этой разнузданности и наглости отравил всё путешествие, всю красоту верхней, чисто великорусской Волги, с её тихими берегами, с белыми церквями расположившихся на берегах сёл. В малом виде в этих противных сценах отражался тот великий развал, который происходит теперь в нашей громадной армии.

12 июня. Понедельник. Томительная жара. Ездил на почту в Песочное, привез четыре №№ газет, содержащих целый букет мерзостей: вооружённая демонстрация большевиков в Петрограде, заражение Севастопольского флота большевизмом и т. д. Итак, все лучшие командиры с уходом Колчака отстранились от разлагающейся армии. Правительство же наше мудро взирает на совершающиеся безобразия, исповедуя теорию непротивления злу. Даже Милюков в речи на казачком съезде начинает над правительством издеваться.

20 июня. Вторник. Вечер в беседе с нашими соседями о текущих делах. Известие о нашей победе под Ковелем: взято в плен 10 000 австрийцев. Отлично; может быть, это начало нашего отрезвления.

24 июня. Суббота. Были на усадьбе Теляковского и осматривали этот старинный барский дом, кажется, в трёх поколениях принадлежащий Теляковским. Сколько вкуса, тонкого и изящного! И неужели все эти уголки теперь должны исчезнуть перед пропотелым «спинжаком» товарища Семёна и всё должно быть

заплёвано подсолнечной скорлупой. У барина в усадьбе, у священника в его домике, у мужика в его избе есть своя, ему именно свойственная и им созданная обстановка, его именно отражающая. А «товарищ» в этом отношении ничего пока не создал...

М.М. Богословский остался в России, был членом Археологической комиссии Российской академии наук, председателем Историко-общественного отделения Московского исторического музея, руководил в этом музее отделением истории XVII века. Возглавлял секцию русской истории Исторического института при факультете общественных наук МГУ. Скончался 20 апреля 1929 года, до начала репрессий против историков в рамках «дела академика Платонова», но по смерти был «зачислен» органами государственной безопасности (ОГПУ при СНК СССР) в число заговорщиков и контрреволюционеров.

Протоиерей Стефан Смирнов (41 год), священник единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода. Отец Стефан родился в семье старообрядцев-беспоповцев, присоединившихся всей семьей к православной церкви, когда он был ребёнком; отец его стал единоверческим священником. Даже мирные, в основном посвящённые погоде записи (отец Стефан, начиная вести дневник, озаглавил его «О состоянии погоды и сельского хозяйства в приходе Михайловской Слободы Бронницкого уезда с 1 июня 1905 года»), временами впускают в себя тревожные «политические» ноты:

1 мая. Тепло. Пчела из ульев вылетела, но зелени никакой нет, до сего дня, кроме 22 апреля, стояли холода. Апрель был весь холодный. В политике: новое правительство трещит по всем швам. Гучков от министерства отказался. Этого и нужно было ждать.

9 мая. Ночью буря, северный ветер, днём – снег весь день. Снегу выпало на 4 вершка², некоторые, недалеко, выехали на санях. Сена нет, а скотину кормить нужно. Беда!

17 июня. Стоит страшная жара. Трава на высоких местах горит. Пчела работала начало июня очень хорошо. Отец Иван и дьякон выбрызгивали мёд. Сегодня к вечеру прошёл дождик, но небольшой, а нужно было обильного дождя. Овсы желтеют. Местами дожди были, но нас обходили. На политическом горизонте России полнейшая разруха. Гибнет Россия и несть спасающего. Социалисты и революционеры доконают Россию окончательно.

Отец Стефан остался на месте своего служения. Скончался от гипертонической криза за несколько дней до Рождества в 1934 году в возрасте 57 лет.

Борис Вяземский (33 года), историк и фенолог из рода Вяземских. В 1910–1911 годах был личным секретарём П.А. Столыпина, сопровождал его в поездке по Сибири. В своём поместье Лотарёво (Усманский уезд Липецкой области) активно занимался благотворительной

и просветительской работой, построил железобетонный мост через реку Байгору, электростанцию, новую школу в соседнем селе Коробовке.

1 мая. Был утром в Княжьей Байгоре у обедни, затем молебен и речи на открытом воздухе. В 2 часа дня на наш большой двор явилась процессия человек в 500–

800 из Коробовки с красными знамёнами. Мы вышли к ним. Снимали фотографии. Речи. Меня качали. Затем мы поехали в Ольшанку, степь в полном цвету.

19 мая. Ясно, жарко. Утром сидели с Мама в её домике в розовом саду. Лили и Дилка в первый раз купались. Днём ездили в степь к табунам. Цветут ландыши, бубенчики. Зацветают ирисы. Кончатся барашки.

21 мая. Крестьяне арестовали студента Смирнова, помощника профессора Алёхина.

25 мая. Читали с Асей и Маей «Историю французской революции» Герье.

27 мая. Служащие предъявили требование о прибавке жалования, грозя забастовкой. Беседа с ними. Днём косили с Асей и Маей.

29 мая. Днём косили в парке. Лили и Мая читали Тэна.

31 мая. Я утром выехал в Тамбов с М. Охотниковым и Л.В. Бланком. Губернское земское собрание избрало меня единогласно председателем. Вечером выехал домой.

2 июня. Мая уехала в Москву. Встретился с ней в Грязях. Здесь ряд скандалов. Крестьяне требуют подённой платы в 3 раза выше – женщинам и в 5 раз – мужчинам. Собирались у нас в усадьбе по приглашению Комитета служащих.

3 июня. Переговоры с Комитетом служащих. Несогласия. Грозят забастовкой. Насилу уговорились решить дело Примирительной камерой³.

5 июня. Лотарёво. Я с утра в Усмани – пересмотр белобилетников. Скандалили, кричали, не хотели идти.

11 июня. Уехал проживший 2 недели профессор В.В. Алёхин.

25 июня. Днём приехали Маруся и Оля Вельяминовы и рассказали, что к ним вчера приходили крестьяне и имели с ними неприятный разговор. Требовали удаления управляющего Сурова. Перед отъездом – с падворскими большевиками о Временном Правительстве и по другим вопросам⁴.

28 июня. Аравийская жара, пыль. С утра до вечера был в Усмани с Марусей Вельяминовой. Заседание комиссариата, Совета солдатских депутатов, продовольственной и земельной комиссий об охране Лотарёва и Байгоры. Лили и Ася укладывались.

29 июня. Мы с Асей выехали в Грязи и Москву.

24 августа после жестокого истязания князь Вяземский был убит озверевшей толпой солдат на станции Грязи. Его Лотарёвское имение – одно из культурнейших имений в России – было полностью разгромлено крестьянами.

Александр Блок (36 лет), поэт, знаковая фигура Серебряного века. В это время был основным литературным редактором Чрезвычайной следственной комиссии Временного

правительства, проводившей допросы заключённых в Петропавловскую крепость бывших членов Совета министров и Государственного совета, а также Анны Вырубовой. Занимался литературной редакцией стенограмм и признательных показаний (всякий, кто занимался литературной редакцией, придёт в ужас от непомерного объёма осуществляемой им редактуры). Для революции он свой, и она для него – своё, но даже у него постоянно возникают тревожные ноты.

25 мая. ...«Революционный народ» – понятие не вполне реальное. Не мог сразу сделаться революционным тот народ, для которого, в большинстве, крушение власти оказалось неожиданностью и «чуждом»; скорее просто неожиданностью, как крушение поезда ночью, как обвал моста под ногами, как падение дома.

Революция предполагает волю; было ли действие воли? Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция?

Всё это – в миноре.

Май–июнь 1917: свидетельства очевидцев

В ночь на 1 июня. Труд – это написано на красном знамени революции. Труд – священный труд, дающий людям жить, воспитывающий ум и волю и сердце. Откуда же в нём ещё проклятие? А оно есть. И на красном знамени написано не только слово труд, написано больше, ещё что-то.

1 июня. С утра (10–11) я ждал Муравьёва в Петропавловской крепости, разговаривал и слушал разговоры солдат.

Стрелки убили сапёра за противуленнизм (на днях в крепости), всячески противятся выдаче еды заключённым. Не большевизм, а темнота.

Мы обошли 12 камер (см. записную книжку). Вырубова похорошела. Воейкова стригли. Щегловитов – каменный. Ренненкамф – карикатурный кавалерист. Добровольский может умереть. Макаров аккуратный и сдержанный. Климовичу очень тяжело.

Днём я писал Муравьёву записку – соображения об издании стенографических отчётов.

2 июня. Три допроса в Зимнем дворце (Фредерикс, Золотарёв, Джунковский). Письма царя, царицы, Штюмера, Илиодора, Ржевского. Ночью – телеграмма от маленькой, что завтра утром придет – на два дня.

4 июня. Громовое ура на Неве. Разговор с милой о «Новой Жизни». Вихрь мыслей и чувств – до слёз, до этой постоянной боли в спине. Подумали ещё мы, «простые люди», прощать или не прощать старому графу (Фредериксу) его ногти, то, что он «ни в чём не виноват». Это так просто не прощается. «Эй ты, граф, ходи только до сих пор!», «Только четыре шага!» Всё-таки я сделал сегодня свои 20 страниц Белецкого. В перерывах был с моей милой, которая никуда не уходила. Вечером я отвёз милую на вокзал, посадил в вагон; даже подробностей не забуду. Как хорошо.

Ночью бледная Дельмас дала мне на улице три розы, взятые ею с концерта (черноморского флота), где она пела и продавала цветы.

Милая моя, мы, если будем, состареемся, и тогда нам с тобою будет хорошо. Господь с тобой.

8 июня. Переговоры по телефону с М.П. Миклашевским и Л.Я. Гуревич по делам Чрезвычайной следственной комиссии. Второй допрос Белецкого – 20 страниц.

Коммуна Зимнего дворца – чай с вареньем. Все unstable, и все тревожны всё-таки. Замечательные рассказы Руднева о Распутине (специалист по «тёмным силам»), Распутин гулял в молодости; потом пошло покаяние и монастыри. Отсюда и стиль – псалтири много. Третий и последний период – закурился с господами. Ни с императрицей, ни с Вырубовой он не жил. О Вырубовой – ужасные рассказы И.И. Манухина (солдаты; её непричастность ни к чему; почему она «так» себя ведёт). В Севастополь приехали большевики, взбунтовали, Колчак ушёл. С утра есть слух, что Керенский сошёл с ума.

Следователь – русский, бородатый – тяготеет к «тёмным силам», скучает по своему полтавскому продовольственному делу. Продовольствие – безнадежно, в министерстве опускаются руки.

Надо всем – белые ночи. Люба, Люба! Что же будет?

10 июня. ...Придя в крепость, я застал там Н.А. Морозова (который искал следы Алексеевского равелина, где сидел), Муравьёва, уже обходившего камеры с прокурором петербургской палаты Каринским и И.И. Манухиным. Я присоединился.

Белецкий пишет 70-ю с чем-то страницу, потный, в синем халате... Ему уже предъявлено обвинение, но ему не надо мешать писать.

Спиридович, когда-то стригшийся «ежиком», похожий на пристава генерал, нелепо мужиковатый, большой и молодой. Всё говорил деловито, а на вопрос о претензиях сказал: «Нет, ничего, только вот прогулка...» – и вдруг повернулся спиной к солдатам и, неслышно всхлипывая, заплакал.

Союзник Орлов долго говорил с прокурором, трясясь от слёз (детей выгнали из учебных заведений, за квартиру не плачено), иногда переходя в хриплый шопот, прерывая слова рыданием.

Хабалов вполголоса сказал: «Относятся грубо, но я не жалуюсь. Понятие о вежливости не всем свойственно».

...После всего этого мы попали в гарнизонный комитет (по поводу того, что на днях, когда Беляева увозили на Фурштаттскую, было чуть не сделано вооружённое нападение на бастион; в крепости гарнизон 5000, из них 2000 – большевики (есть и офицеры)). Муравьёв сказал

Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Здесь после февральских событий 1917 года находились в заключении члены Совета министров и Государственного совета

большую речь, требуя власти и доверия к своим действиям.

...Муравьёв – социалист. Интересный разговор с Идельсоном.

16 июня. Возня с порядком в стенограммах и проверка Маклакова (всё время до обеда ушло). Телефон с Муравьёвым, который спрашивал общие мои соображения как материал для его выступления в Совете солдатских и рабочих депутатов. Какая-то ещё бумага Ладыженского – в комиссию (обо мне).

Вечером, подойдя к кадетскому корпусу на 1-й линии, где заседает Съезд советов солдатских и рабочих депутатов, я увидел Муравьёва, едущего в коляске. В «мандатном бюро» мне необыкновенно любезно выдали корреспондентский билет, узнав, что я – редактор Чрезвычайной следственной комиссии. По длинным коридорам, мимо часовых с ружьями, я прошёл в огромный зал, двухсветный наверху. Был ещё перерыв. Зал полон народу, зади курят. На эстраде Чхеидзе, Зиновьев (отвратительный), Каменев, Луначарский. На том месте, где всегда торчал царский портрет, очень красивые красные ленты (они – на всех стенах и на люстрах) и рисунок двух фигур: одной – воинственной, а другой – более мирной, и надпись – через поле – С<ъезд> С<оветов> Р<абочих> и С<олдатских> Д. Мелькание, масса женщин, масса еврейских лиц... Я сел под самой эстрадой.

Муравьёв сказал большую деловую речь; кажется, произвела хорошее впечатление и не вызвала возражений. В записках с вопросами, переданных в конце, спрашивали, между прочим, занимаемся ли мы делом Николая Романова.

18 июня. Изучение Протопопова. Письмо от Любови Александровны.

Перед окнами – жаркая праздничная пустота, а утром – собрались рабочие Франко-русского завода под знаменем с надписями: «Долой контрреволюцию», «Вся власть в руки Советов Солдатских и Рабочих Депутатов».

...Изучение Бурцева. Окончательная подготовка к переписке трёх допросов Белецкого.

Мысль в честь сегодняшнего дня, который я опять отдал всей работе над прошедшим:

В отчёте комиссии следует обойтись без анекдотов; но использовать тот богатый литературный материал, который дают именно стенограммы и письменные показания, можно. Такова моя мысль.

Думаю, что, если комиссия «не будет подходить» с точки зрения профессиональной, припахивающей бюрократизмом, то она «окупится», т. е., выйдя умело на широкий литературный путь, заплатит государству с избытком ту огромную сумму, которую государство на неё тратит (200 000 в месяц?).

Кроме обоих редакторов (кроме меня), необходимо пригласить в состав нашей подкомиссии (на днях имеющей собраться) литератора-практика, который сумел бы поставить дело выгодно для государства.

Я написал письмо в исполнительную комиссию дружины.

19 июня. Стенографический хаос во дворце, растерянность разных растерях. Слухи о вчерашних страхах и о сегодняшних манифестациях на Невском, и будто наши прорвали в трёх местах немецкий фронт. Письмо маме (нервное).

Ненависть к интеллигенции и прочему, одиночество. Никто не понимает, что никогда не было такого образцового порядка и что этот порядок величаво и спокойно оберегается ВСЕМ революционным народом.

Какое право имеем мы (мозг страны) нашим дрянным буржуазным недоверием оскорблять умный, спокойный и много знающий революционный народ?

Нервы расстроены. Нет, я не удивлюсь ещё раз, если нас пережут, во имя ПОРЯДКА.

На протяжении 1918–1920 годов Блока, зачастую вопреки его воле, назначали и выбирали на различные должности в советских организациях, комитетах, комиссиях. После 1918 года (когда были написаны «Скифы» и «Двенадцать») он не написал больше ни одного стихотворения. В феврале 1919 года Блок был арестован Петроградской ЧК. Его подозревали в участии в антисоветском заговоре. Через день, после двух долгих допросов, Блока всё же освободили, так как за него вступился Луначарский. Весной 1921 года Блок просил выдать ему выездную визу для лечения в санатории в Финляндии (к тому времени у него возникли серьёзная сердечно-сосудистая болезнь, астма, появились психические расстройства, зимой 1920 года началась цинга). После получения отрицательного ответа на запрос о выезде от ЦК РКП(б) он уничтожил свои записки, отказывался от приёма пищи и лекарств. В начале августа после настойчивых ходатайств Горького и Луначарского разрешение на выезд было получено, но Блок об этом так и не узнал. 7 августа он умер от воспаления сердечных клапанов. Накануне смерти он долго бредил, одержимый единственной мыслью: все ли экземпляры поэмы «Двенадцать» уничтожены.

¹ Режим доступа: <http://prozhito.org>.

² 1 вершок составляет чуть меньше 4,5 см (4,445), 4 вершка – около 18 см.

³ Арбитражная инстанция.

⁴ В этом месте написано Е.Д. Вяземской (женой автора): «Один из мужиков на рассуждение Бориса ответил: "Как хотите, Ваше Сиятельство, но мы за Ленина и не отступим от него ни на шаг"».

Возрождение церковной жизни должно идти и «сверху», и «снизу»

Ответы священников на вопрос: «В начале 1990-х в церковь пришло много ненаученных людей (и клириков, и мирян), в результате усугубились многие проблемы, например, обрядоверие и магизм. Сейчас церковное руководство предпринимает усилия к распространению просвещения. Но усилия "сверху", если они не будут подкрепляться "снизу" чем-то сделанным всерьёз, а не для галочки, ни к чему не приведут. Как Вы пытаетесь решать проблему непросвещённости церковного народа у себя на приходе?»

О соvestливых священниках

Обе части пути действительно необходимы. Когда всё идёт только «сверху» – это ужасно, ничего не получается. Движение должно идти от каких-то соvestливых священников, и пускай они делают какие-то простые вещи: подготовка к крещению, может быть, 2–3 (у нас 3) беседы, какие-то воскресные школы для взрослых (у нас есть такие), могут быть ещё и какие-то образовательные программы. Это не решает проблему, но всё-таки это хоть что-то. И если это не получается на приходе, надо собирать людей там, где Дух дышит, ведь Он дышит, где хочет. Верующие люди порой находятся вне храмов. Проблема – найти их, вернуть их в лоно Церкви, вернуть, как сказано в Писании, сердца детей к отцам их¹. Если человек действительно Божий, то он должен быть с Богом, он должен быть в Церкви. В этом вся полнота жизни, здесь и миссия, и катехизация, и какая-то дальнейшая помощь.

Проблема на приходе в том, чтобы успеть. Потому что есть такое ощущение, что через какое-то время бывает уже поздно человека вытащить. Он может сползти в те самые магизм и обрядоверие, о которых вы говорили, фактически в язычество... К сожалению, есть ощущение, что если здесь человек переходит какой-то порог, помочь ему очень трудно, даже если он тянется к сознательной вере. Есть такой печальный опыт: люди оглашаются, а потом всё равно уходят, возвращаются в то же самое; когда потом с ними встречаешься и общаешься, такое ощущение, что вообще никакого оглашения не было, как будто они ничего и не слышали о Христе, и всё в них в лучшем случае ветхозаветное... Настолько сильна эта закваска².

Но есть люди, которым двоеверие и магизм изначально чужды. Так было и со мной: я всё время искал смысл и даже уходил в своё время из церкви из-за того, что там его не нашёл. Но труды отца Александра Шмемана, прежде всего его «Дневники», вернули мне смысл, вернули веру в Церковь. Я понял, что Церковь жива, просто я чего-то пока в ней не вижу, но надо искать. И слава Богу, Господь это открывает.

Батюшкам важно думать о конкретных людях

Не знаю, что имеется в виду под движением «сверху» и «снизу», но я считаю, что с людьми надо уметь разговаривать. И желать этого. Потому что священник и люди, которые пришли на богослужение, – это ситуация очень важная для миссионерского усилия в лучшем смысле слова. Надо постараться «сделать шаг в народ». К сожалению, я вижу, что многие священники смотрят на народ, стоящий в храме, как на некую безликую массу, свысока что-то им возвещают, но при этом почему-то не очень-то думают о конкретных людях. Проповедник с ними не всегда бывает знаком, и даже священник, принимающий исповедь, не слишком и не всерьёз ими интересуется.

А ведь если с одним человеком серьёзно посидеть, поговорить, потом с другим, чтобы понять, во что каждый из них верит, – не устраивая допрос, не «прижимая к стенке», не желая что-то навязать, а просто сопереживая, давая возможность высказаться, стараясь понять, как человек живёт в нравственном смысле слова и во что он верит, – многое открывается. И «толпа» перестаёт быть «серой». Начинаешь понимать, что люди очень разные, и ты о них многого раньше не знал. Казалось, это просто «бабушка в платочке», а это кандидат филологических или медицинских наук, человек, который многое прочитал, многое знает. И у него есть какие-то конкретные вещи, которые связаны с неверием, непониманием (и не на уровне ума, а на уровне жажды духа). Даже при желании прорваться к Богу нужен тот, кто мог бы в этом помочь.

В ситуации, когда человек приходит в храм, молится и уходит, мы многое даём «на откуп» случаю. А может не произойти сама встреча с Богом, не появится желание к Богу как-то подойти и эту встречу пережить. Ведь мотивы, по которым человек пришел, могут быть ложными, потребительскими. И снова не хватает того, кто бы пробудил подлинные мотивы, подлинную жажду. Но если не пропустить мимо конкретного человека, если проявить деятельное сострадание к тому, кого видишь

Интервью с участниками конференции Свято-Филаретовского института «Евхаристическая экклезиология сегодня: восприятие, воплощение, развитие»

перед собой, если вот так с людьми заниматься, можно многое сделать. Нужны личные встречи, личные разговоры, общение.

Следующий шаг – собирать таких людей и проводить встречи. Евангелие вместе читать. И здесь вроде что-то у нас на приходах уже делается. Но мне кажется, ключевая ошибка многих приходских воскресных школ для взрослых в том, что они построены как некий факультатив образовательного плана. Священник или преподаватель возвестил то, что хотел сказать, а люди пришли, послушали и ушли. И снова чаще всего никто не интересуется конкретными людьми, их путём, их жизнью, их реальной верой. Серьёзная ошибка думать, что если ты сообщил информацию о Христе, о вере, пересказал то, что в семинарии рассказывали, то ты «всё сделал, а дальше – не мои проблемы и не моя ответственность». Дело в том, что ваша встреча – двух людей в Боге, в Его любви и правде – не произошла. Живой личный вопрос, связанный с поиском, остался незадаанным или даже не сформулированным, вера – непробуждённой. Люди боятся войти в «таинство общения», в «таинство встречи», искренней и живой. И поэтому преграды не разрушаются, люди остаются чужими, никак не раскрываются навстречу Богу и друг другу. И в этой ситуации взаимного отчуждения вера как горение сердца не передаётся и передана быть не может.

Так важно научиться этому общению. Так важно уметь, приглашая людей на встречу по Новому завету, читая с ними Писание, общаться в открытости в этом пространстве Божьего слова. Когда я сам делал так, люди ценили именно то, что они могут вместе поразмышлять над Евангелием, не закрываясь друг от друга и от Бога. А потом у них уже загорается желание последовательно двигаться вперёд, не только узнавая что-то, но осмысливая свои взаимоотношения с Богом и претворяя это осознание в жизнь.

Только так может быть выявлено, где в человеке «закопано» двоеверие, магизм, непросвещённость, на какую жизненную тему человека «заносит» или «сносит», что его волнует больше всего и как это преодолеть в свете слова Божия, действия Его духа и смысла, как переориентировать вектор его жизни с решения конкретных житейских проблем на поиск встречи с живым и реальным Богом, к вере и верности Ему.

Мне один священник сказал, что склонность к двоеверию, магизму и прочему иногда настолько в человеке укореняется, что уже ничего не сделаешь. Вы с этим согласны?

Ну, наверное, бывают ситуации «живые», динамичные и «как будто бы мёртвые», статичные, но надежда есть всегда. Вера ведь передаётся так, как от свечи зажигается свеча, от огня загорается огонь. Она другому не передаётся. Если нет огня в одном человеке, она не загорится и в другом. Но если есть огонь, то это уже возможно. Только чтобы передать его, нужно общение, о котором я сказал выше. То есть нужно, чтобы в ищущем человеке возникло доверие и понимание, что вот этот верующий, с которым он сейчас общается, в нём заинтересован, что он действительно обладает опытом внимания, опытом Божьей любви. Только тогда, возгораясь импульсом веры, ищущий человек начинает двигаться вперёд, желает понять и обрести этот опыт на своём пути, в своей жизни.

Если Господь благословляет дело, Он посылает помощников

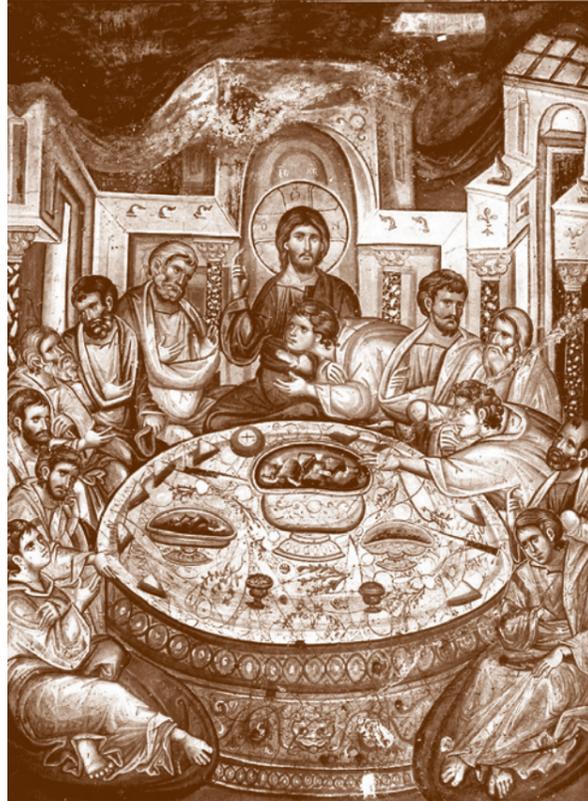
Мы ухватились за принятую не так давно в качестве общецерковной практики идею обязательно проводить две беседы перед крещением и стараемся проводить их не за страх, а за совесть. Но когда я уже несколько лет вёл такие беседы, в какой-то момент я понял, что у меня просто нет больше на это физических сил и времени. И тут Господь послал мне двух ребят, студентов богословского института, которые очень увлечённо включились в это служение. У них есть специальное образование, необходимые знания, и они говорят то же самое, что говорю я; для меня это важно не потому, что я воображаю, будто мои слова – образец для подражания, но потому, что это свидетельствует: у нас общий дух. Мы друг друга не просто понимаем, мы можем друг друга чувствовать. И теперь они меня полноценно подменяют.

Конечно, всерьёз к двум беседам относиться вряд ли стоит. О полноценной катехизации говорить в этом контексте невозможно. Единственное, что можно сделать за это время – попытаться хотя бы растолковать человеку, в какую сторону ему нужно смотреть. И мы используем эти беседы в качестве площадки, на которой приглашаем людей пройти полноценные катехизические курсы у нас на приходе. Понятно, что на сегодняшний день в этих курсах есть много недоработок, «сырости» и кадровых проблем, но все-таки мы вместе с теми, кто готовится к крещению, прочитываем Евангелие и уже сквозь призму Священного Писания, сквозь призму личности Христа пытаемся узнавать свою веру. В результате собрался круг прошедших катехизацию людей. Не скажу, что их много, но они серьёзные, искренние, горящие.

Мы отвечаем за тех, кого призываем в Церковь
Жизнь показывает, что все меры, связанные с

формальным, чисто внешним подходом, абсолютно не работают. А сказать то, что может открыть людям живую веру, способную изменить в корне их жизнь, довольно трудно. Выход видится один – личное свидетельство, глубокое общение, ответственность за человека, связанные с тем, что ты делишься своей верой и разделяешь жизнь этого человека, а у него возникают вопросы, и ты на них отвечаешь. Это может быть индивидуально, может быть в группе, как угодно. И это измерение личной ответственности за человека здесь абсолютно обязательно, потому что «разовыми» вещами, например одними проповедями, мне кажется, мало что можно сделать. Для этого требуются глубинные изменения, возможные только в процессе свидетельства, научения и так далее.

Мой опыт говорит о том, что на такое общение с человеком всегда требуется много времени и сил. Его можно приглашать на оглашение, но всё равно личная связь, некое поручительство должны быть постоянными – только так можно помочь человеку войти в Церковь всерьёз.

Тайная вечеря. Фреска Мануила Панселина, XIV век. Афон, Протат

Ответы на вопрос: «Есть ли какие-то признаки того, что народ осознаёт своё царственное и священническое призвание и стремится участвовать в служении?»

О служении и его тёмных двойниках

Царственное и священническое призвание, конечно, никто из мирян не осознаёт. Участие в служении кто-то принимает, но это абсолютно не связывается с царственным и священническим призванием. И служение получается, конечно, в какой-то мере искорёженным, скорее всего рабским. Но всё-таки это очень ценно, что человек хочет служить, готов трудиться и очень часто готов отдавать очень много сил. Другое дело, что этим его желанием могут просто нагло воспользоваться совершенно «не в ту сторону». И важно, чтобы те совестливые священники, которые что-то всё-таки делают, помогли этим людям. Потому что добрые дела вне Христа дают человеку ложную надежду, обманывают его. Часто видишь, что человек приходит в храм, готов свои силы отдавать, и ему дают какое-то «послушание» (так это называется) – допустим, уборщики. Человек трудится замечательно, великолепно, прекрасно (у меня перед глазами конкретный пример). Через год я прихожу в этот храм и вижу дерзкого, наглого человека, который чувствует себя здесь по-хозяйски. Она уже распоряжается, она уже командует (конечно, скрытно), хотя остаётся по-прежнему уборщицей. То есть происходит уже какая-то ломка. Но люди всё-таки хотят служить – очень, очень многие. Я имею в виду не основную массу приходящих в храм прихожан, но тех, кто хочет активно участвовать в духовной жизни, регулярно причащаться. И им нужен пример, нужно этих людей поддерживать в поисках подлинного служения.

Важно, чтобы люди, прошедшие катехизацию, включались в служение

Пока что не удалось добиться того, чего мне хотелось бы, – чтобы те, кто прошёл катехизацию, сами смогли её проводить. Это не получается; надеюсь, это дело будущего. Ребята, которые сейчас проводят катехизацию, пришли уже готовыми к этому. Мы просто на приходе узнали друг друга и стали вместе этим заниматься.

Правда, есть те, кто занимается, скажем, организацией паломнических поездок. Не могу сказать, что паломничество – это «суперспособ» воцерковить людей, но благодаря этому теоретически кто-то может прийти в общину. И для меня дорого, что люди, прошедшие катехизацию, включаются в те служения, в которые пока что могут. Это уже пусть маленький, но успех.

К сожалению, проблема в том, что всей этой деятельности противостоит настоятель и группировка, сложившаяся вокруг него. Явно возразить что-то против общецерковного начинания они не могут, ведь здесь всегда найдётся что сказать в ответ. Поэтому они выбрали другую стратегию – они ничего не говорят, улыбаются, мы прекрасно общаемся: если вы посмотрите на наше общение, то, наверное, подумаете, что мы старые друзья. Но при этом они делают всё, чтобы всё это как-то «естественным образом» выжить из нашего прихода. И к обычным искушениям и препятствиям на пути катехизации добавляется ещё и то, что есть люди, которые сознательно этому делу противятся.

Без единства священника и прихожан никакое дело не пойдёт

На многих приходах бывают люди, которые действительно очень искренни в вере и хотя бы настоящего, подлинного, евангельского. Они читали отца Александра Шмемана, кто-то добрался до книг отца Николая Афанасьева. И в результате пробудилась надежда и вера в то, что сказанное этими авторами о живой традиции Церкви реализуемо, что это возможно. Но эта надежда очень быстро угасает, потому что не встречается примеров, поддержки со стороны огромной массы людей на приходе, в том числе среди священников, которые этого не ищут, не стремятся к этому и даже об этом не знают.

Есть проблема иного рода. Прекрасные рассуждения о царственном и священническом призвании могут стать философской отвлечённостью, которая никак не проходит в жизнь даже очень желающих этого людей. Иногда человеку не хватает честности признать, что в его духовном опыте нет самых оснований евангельской Христовой жизни. Нет каких-то фундаментальных вещей, готовящих почву для возрастания и прорыва к этому опыту «священнослужения всех верных». Не хватает последовательного пути.

Это бывает не только в жизни отдельного человека, но и среди общности людей. Есть священники, которые хотят служить литургию более полным образом: читать евхаристические молитвы вслух, сделать богослужение более понятным... И вот, допустим, священник решил это сделать и сделал. А люди где? Где община верных, которая могла бы воспринять этот евхаристический опыт? И оказывается, что сюда не было вложено усилий. Почему-то была надежда, что «сами дорастут». Но ведь надо было начать именно с того, чтобы людей собирать вокруг Христа и Его слова. Прекрасная литургия ради самой литургии «не работает».

Очень важно, как священник сам себя ставит: над людьми или всё-таки как служащий, готовый сказать им: «Христос посреди нас!»? Готов ли он общаться и не гнушаться людьми, помогать им в их беспомощности? Священнику ведь тоже надо осознать своё царственное священническое призвание – мне так кажется. Оно в этом самоуничижении и самоотдаче по образу Христа и заключается. Но не все это осознают. Кто-то рассматривает своё старшинство в церкви как сановное положение, возвышающее над народом.

Люди могут войти в опыт царственного и священнического призвания. И надо поверить, что именно вот этот человек, который сейчас находится в состоянии духовного поиска, кому ты помогаешь идти дальше, именно он потенциально, в надежде Божией – тот, к кому обращено слово о царственном священстве.

Служение и просвещение взаимосвязаны

С этим сложно. Мне кажется, что, с одной стороны, у людей есть потребность действительно что-то сделать для Церкви. Я встречаю много прихожан, готовых тратить своё время, свои силы, чтобы поддерживать храм, делать то, в чём они видят нужду, чем они могут послужить. Но принципиально важно обретение евангельского основания такого служения и собирания людей между собой. В нашем приходе это собирание происходит спонтанно, просто людей никто сильно не пугает, не разгоняет, поэтому общение складывается как бы само собой, когда люди что-то делают для храма, например – убирают, вместе готовят трапезу...

И мне кажется, что плоды такого общения неплохие. Создаётся атмосфера, в которой можно говорить более глубокие вещи, связанные с самой сутью христианской жизни, с тем, как она может воплощаться в современных условиях.

Беседовали Александра Колымагина и Анастасия Наконечная

¹ «И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием» (Мал 4:6, последняя строчка книги пророка Малахии).
² Наверное, здесь можно было бы вспомнить слова Спасителя: «Смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской» (Мф 16:6).

Зачем богослову милосердие

Христианская диакония и духовное образование

Древние отцы не уставали напоминать о том, что богословие невозможно без опыта молитвы. Наверное, можно было бы дополнить это утверждение словами: богословие невозможно без опыта милосердия. На Международной научно-практической конференции «Социальное служение Русской Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы», которая проводилась силами нескольких вузов – Института социального образования Русской православной Церкви гуманитарной академии, Санкт-Петербургской духовной академии, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, – прозвучал доклад кандидата медицинских наук О.Б. Мозговой. Выступление было основано на многолетнем опыте преподавания каритативной практики в СФИ. Сегодня мы знакомим наших читателей с этим докладом.

В Свято-Филаретовском православном институте (СФИ) в структуру духовного образования уже более 15 лет включён такой предмет, как «Христианская диакония». Хотелось рассказать об опыте его преподавания.

Предмет преподаётся в богословском колледже и на богословском факультете (СФИ). В общей сложности в течение двух лет студенты имеют возможность погрузиться в опыт христианской диаконии. Обычно студентами СФИ становятся люди, уже имеющие высшее образование и ответственные светские должности, но, как правило, мало кто обладает каритативным опытом (*caritas*, лат. – милосердие).

В самом начале духовного образования к студентам обращён вопрос апостола Иоанна: «Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1 Ин 4:20). В духовном образовании важна целостность, формирование образа человека, в котором бы более значимо проявлялся образ Божий. В преподавании богословия мы исходим из того, что богословское знание не может быть только теоретическим, ибо «знание надмевает, а любовь назидает» (1 Кор 13:4). Курс «Христианская диакония» позволяет соотносить свою жизнь с христианскими ценностями и на практике проявить милосердную любовь к страдающему человеку. Студенты-богословы в течение всего курса обучения пытаются научиться исполнять главную христианскую заповедь о любви к Богу и человеку.

Для этого институт заключает договоры о сотрудничестве с различными

лечебно-профилактическими учреждениями Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России и зарубежья. Это скоромощные больницы, дома престарелых, психоневрологические интернаты, дома ребёнка, геронтологические центры и другие учреждения. В рамках этих договоров студенты навещают больных, как родственники (оказывают помощь одиноким людям, которых никто не навещает, бездомным, умирающим), приносят простое угощение, домашнюю выпечку, покупают при необходимости средства для ухода за больными. Также оказывают помощь младшему медицинскому персоналу отделения (моют пол, окна, санузел), доставляют больных на исследование, сопровождают одиноких больных при выписке, покупают билет на поезд домой людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации). Студенты всё это осуществляют добровольно на свои деньги.

Курс «Христианская диакония» является преемственным к основным теоретическим дисциплинам, которые преподаются в институте. Студентам, изучающим Священное Писание и Предавание, христианскую этику и биоэтику, социологию и аскетику, предоставляется возможность прийти с этими знаниями к постели больного человека и узнать им цену. Студенту-богослову важно, чтобы эти знания стали не просто теоретической информацией, а преобразовались в навык сердечного участия в жизни страдающего человека, в практическую аскетику, практическое милосердие. Важно по примеру Христа умалить себя, спуститься туда, где боль и отчаяние, туда, где нет надежды и помощи, и подставить плечо, поддержать за руку чужих людей, которые стали на какое-то время нашими ближними, чтобы никто не сказал, что он не видел добра в своей жизни, чтобы к жизни человека, который не понимает, зачем он живёт, и не видит в жизни смысла, подойти с уважением и ему этот смысл явить, показать ему возможность радоваться и благодарить Бога. Важно поговорить с человеком, оказать ему духовную поддержку, выслушать его, попробовать помочь в том, чтобы его не раздирали дух притензии и обиды, постараться соиздать в нём дух мира и прощения.

Обо всём об этом мы говорим на семинарах по «Христианской диаконии». Программа курса предполагает практическую и теоретическую часть.

Практическая часть – это собственное посещение больницы, практическая аскетика. У студентов есть нормы часов, которые они проводят в больнице, – 15–20 академических часов в семестр. У них есть определённый рекомендован-

ный график посещения больницы, но внутри него они сами планируют своё время, сами следят за отработкой часов. Трудность практической части в том, чтобы просто попасть в больницу, когда на это нет ни сил, ни времени. Силы и время важно научиться распределить таким образом, чтобы в жизни было место для диаконического служения. Мы сможем называться христианами не номинально, не жить, как язычники (по принципу «дом-работа»), когда сумеем выстроить иерархию ценностей так, чтобы всегда быть готовым прийти на помощь ближнему независимо от личных обстоятельств, занятости, усталости, эмоциональности, желания.

Во время практики студент учится преодолевать брезгливость и социальные предрассудки, уныние и отчаяние от вида страдания и разрушения человека, страх болезни и смерти, пытается в своей жизни актуализировать веру в Воскресение Христово, в победу над смертью и злом. Студента окрыляет благодарность больных, с которыми ему удалось пообщаться, он понимает, что в его немощи совершается сила Божия, что он попадает в пространство Божьего действия.

Теоретическая часть курса – это семинары, на которых предоставляется возможность обсудить полученный опыт, этим опытом поделиться с другими студентами, задать вопросы. Перед походом в больницу студентам озвучиваются непреложные принципы – не давать деньги, спиртное, сигареты, не потакать порокам и рекомендуется не ходить по одному. Теоретический курс построен таким образом, чтобы студенты получили навыки ухода за больными, представление о социальных проблемах и о том, как общество и благотворительные структуры заботятся о человеке, а также были знакомы с особенностями общения, этикой и деонтологией* по отношению к тяжело больным и умирающим людям. На семинары приглашаются люди с большим каритативным опытом, врачи (онкологи, наркологи), социальные работники, психологи. Они рассказывают о том, как они могут помочь человеку, и о границах своей ответственности. Таким образом, мы выясняем, где сфера влияния этих структур, что они могут сделать для человека, а чего не могут, и пытаемся найти место христианина во всей этой сложной системе. Что можем сделать для человека мы, христиане? Больные часто задают вопрос нашим студентам: «А что вы здесь делаете? А почему вы это делаете? А кто вы такие?» И студенты должны сами научиться себе отвечать на этот вопрос и постараться сделать так, чтобы то время, которое они провели в больнице, было действительно временем Божиим, и они не потратили его впустую.

Сначала студенты думают, что то, чем они занимаются, и есть благотворительность. (Практика всё-таки решает учебные задачи, является лишь введением, ознакомлением с каритативным опытом.) Мы на семинарах развенчиваем этот миф и даём представление о тех людях, которые действительно посвятили себя делу милосердия и благотворительности. Достаточно время уделяется осмыслению принципов христианского милосердия и благотворительности. Даются понятия светской и церковной, общественной и частной благотворительности, положительные и отрицательные, современные и исторические примеры. В качестве современного положительного примера светской благотворительности мы знакомим студентов с деятельностью благотворительного фонда «Справедливая помощь», возглавлявшегося Елизаветой Петровной Глинкой (доктором Лизой). В качестве исторических примеров церковной благотворительности приводим

пример основательницы Марфо-Мариинской обители преподобномученицы Елизаветы Фёдоровны Романовой и матери Марии (Скобцовой). Кроме того, мы говорим о понимании служения милосердия в Крестовоздвиженском трудовом братстве Н.Н. Неплюева, который писал о том, что благотворительность может быть названа церковной не только когда она осуществляется руками церкви, но и когда решает церковные задачи, а ими в первую очередь являются задачи не социальные (задачи общества), а задачи собирания Церкви и устройства жизни людей на евангельских началах. Крестовоздвиженское трудовое братство и есть пример такого устройства жизни. Эти примеры вдохновляют студентов, позволяют увидеть, как мало сделано нами для того, чтобы мир и жизнь стали лучше, и как такие же, как мы, люди являли примеры святости, служа Богу и ближнему.

В итоге курса студенты приобретают

способность анализировать диаконический опыт, опыт деятельности различных светских и церковных благотворительных организаций, социальных государственных структур, учитывая принципы христианской благотворительности и милосердия; заботиться о человеке в целом, учитывая его материальные, душевные и духовные потребности в соответствии с представлениями христианской антропологии, христианскими принципами благотворительности и милосердия.

Опыт, приобретённый во время прохождения курса «Христианская диакония», продолжается всю жизнь. Люди становятся внимательнее к своим родным, к членам своей церковной общины. Сердце расширяется, начинает видеть страдание и само начинает сострадать, людям легче справляться с трудными жизненными ситуациями и помогать другим, несмотря на свои немощи. Многие студенты и выпускники СФИ находят в своей жизни место для постоянных усилий в деле диаконического служения, ощущают в себе призвание делиться радостью жизни во Христе. Следует отметить, что у курса нет специальной миссионерской задачи. Очень важно, чтобы в этом случае проповедь христианства была больше делом, а не словом.

Всё вышесказанное позволяет рекомендовать преподавание подобного курса в образовательных учреждениях, где преподаётся теология. Налицо несомненная польза и для большого человека, и для учреждения, и для студента. И для Церкви, которая таким образом идёт в мир по призыву Христа.

* Деонтология – учение о проблемах морали и нравственности, раздел этики.

Благодарим за предоставленные фотографии студентов СФИ

Пасхальный концерт

«Как было бы хорошо, если бы мы исполняли все решения Собора 1917–1918 гг.!..»

Фрагменты стенограммы круглого стола «Церковное проповедничество сегодня», проходившего в рамках Рождественских чтений 2017 года

Священник
Георгий Кочетков

**Священник
Георгий Ко-
четков, ректор
Свято-Фила-
ре-товского
института:**

Большое спасибо Лидии Владимировне Крошкиной, которая представила нам документ Поместного

собора. И первое, что хотелось бы сказать: этот документ вдохновляет. Прошло 100 лет, и казалось бы, он должен «пахнуть нафталином», а вот читаешь его – и какой-то воздух свободы, какая-то удивительная атмосфера зарождается в сердце. Поэтому первая моя реакция: как хорошо было бы, если бы мы исполняли все решения Собора 1917–1918 гг.! Да, есть немало попыток их исполнить – и пробивающихся снизу, и санкционированных церковной властью – но с некоторыми решениями Поместного собора не происходит ни того, ни другого, и совсем не потому, что они плохи, а потому, что они требуют больших усилий и подготовки. Так что первая задача, мне кажется, это попытаться исполнить то, что уже принято самой церковью. Никто не отменял решения Поместного собора и не может отменить. Только собор такого же уровня, если соберётся.

И здесь, конечно, обращает на себя внимание множество вещей, в том числе вопрос о том, кто может проповедовать в церкви. Очень важно расширить возможности, тем более сейчас, когда храмов во многих епархиях стало достаточно много. Но священник не может сам делать всё.

Ещё важно, в какое время проповедовать, на каких богослужениях. Наверное, надо осознать норму проповеди сразу после Писания, и не только на литургии, но и на утрене, а может быть, и на вечерне, если читаются парамии. Очень важно использовать и эти возможности, особенно в тех редких случаях, когда по церковному Уставу бывают новозаветные парамии. Да, вечером народ не всегда собирается в храмах в достаточном количестве. И всё-таки надо смотреть по ситуации. Если будет интересная проповедь, я

думаю, народ как раз будет приходить. Очень многие люди уходят из церкви именно потому, что им ничего не понятно и они не могут включиться. Они с удовольствием открываются сердцем, но их разум при этом не работает.

Надо осмыслить и то, где, когда и кому проповедовать. Если на службе есть не только завсегдатаи храма, но и люди, пришедшие впервые или заглядывающие изредка, невоцерковленные, то после чтения Писания должна звучать керигматическая проповедь. Если есть оглашаемые – реальные оглашаемые, а не номинальные, – должна звучать катехизическая проповедь. В храме бывают разные люди, и никого из них нельзя игнорировать, так что связанное с этим распределение тематики и, главное, выразительных средств должно существовать в храме всегда.

...Есть и разнообразные возможности внебогослужебной проповеди. Мне кажется, этот потенциал тоже ещё не раскрыт. Но важно, чтобы не происходило довольно часто в нашей практике вытеснения такой проповеди во внебогослужебное время. Почему-то забыто, что проповедь – это центральная часть богослужения на вечерне, утрене, литургии оглашаемых (евхаристия, литургия верных – это другое дело, там другие центры).

Протоиерей Александр Лаврин

(Москва): Вы знаете, когда я, получив в качестве письма то, что лежит у всех нас на столе, быстро просмотрел документ, то очень удивился его полноте. Так как решил, что он издан сейчас. Ещё больше удивился, когда стал читать подробнее и понял, что он, оказывается, издан 100 лет назад. Но всё в нём написанное чрезвычайно актуально и сегодня.

Причём актуально настолько, что с организационной точки зрения его бери и прямо сейчас претворяй в жизнь, столько здесь всего, и всё так хорошо продумано, структурировано...

И, к слову, он говорит о том, что внешнее благочестие как раз было (оно и сейчас есть), а вот самое главное людям часто не открывалось и не открывается.

И я бы хотел посмотреть на проповедь не то чтобы немножко шире, а по существу. У нас привыкли смотреть на неё как на отдельное слово на службе.

Но в целом ведь что такое проповедь? Она должна открыть смысл евангельского слова, т. е. открыть Христа и привлечь к Нему. В сущности, вся христианская жизнь должна стать проповедью, т. е. открывать Бога и вести к Нему.

В своё время, ещё будучи совсем молодым священником, я спрашивал у моего духовника, отца Георгия Бреева, где граница моей проповеди, в чём моя ответственность. Он очень четко понял мой вопрос, хотя тот был задан некорректно (слишком уж общий), и в ответ определил нравственные границы: живи, как говоришь. А проповедь должна быть о том, каков Бог, каков Христос. Священное Писание, все службы открывают именно Его. И таинство потому и называется таинством, что в нём таинственно, непостижимо есть Его присутствие в Духе Святом. Мы не просто должны пересказывать то, что прочитали, что узнали. Наша проповедь, чтобы не стать некой идеологией, должна касаться непосредственно нашей жизни. И если мы говорим о Священном Писании, то должны сказать, как то, о чём мы сейчас прочитали, реализуется в нашей жизни. Проповедь должна говорить о взаимоотношении с Богом и друг с другом во Христе.

Мне кажется, в этом смысле очень продуктивны миссионерские службы. Один раз у нас была миссионерская вечерня: опыт небольшой, конечно, но очень хороший и всем понравился. Но, на мой взгляд, непосредственно сама служба при этом не вполне проживается. Думаю, о её смысле лучше было бы поговорить где-то в аудитории, его раскрыть, а потом службу отслужить, чтобы она уже сама стала проповедью. Чтобы то, что на службе читалось и пелось, касалось бы любого присутствующего. Тогда люди были бы не слушающими только, а уже участниками и свидетелями того, что церковная служба открывает.

Служба вообще-то никогда не была рассчитана на то, чтобы была воспринята на слух – как сейчас говорят, в режиме online. Она рассчитана на то, что человек её уже знает (во всяком случае, неизменяемую часть), и мы должны приложить усилия, чтобы её знать. Помню, когда я только вошёл в церковь (это был конец 1980-х), в издательстве

«Как было бы хорошо, если бы мы исполняли все решения Собора 1917–1918 гг.!..»

Фрагменты стенограммы круглого стола «Церковное проповедничество сегодня», проходившего в рамках Рождественских чтений 2017 года

Троице-Сергиевой лавры вышла брошюрка «Литургия. Всенощное бдение». Для меня это была просто находка. Я хоть понял, о чем речь и что читаем. А если служба не откроется человеку, его духовная жизнь в целом будет очень обеднена.

Протоиерей Димитрий Карпенко, соведущий круглого стола: У нас на приходе всё происходит очень просто: проповедь на воскресных богослужениях, как правило, произносится после чтения Священного Писания. Посвящена она именно евангельскому отрывку, а некоторое время назад мы стали практиковать и небольшую проповедь после чтения Апостола. У нас есть, слава Богу, два семинариста-заочника, и мы просим кого-нибудь из них произнести краткое, на несколько минут, поучение исключительно по тематике прочитанного отрывка. Апостол, к сожалению, остаётся совершенно за скобками нашего понимания. И вернуть его в нашу жизнь не как благочестивую традицию богослужебного чтения непонятных текстов, а как живое слово, обращённое к нам сегодня, очень важно. Понятно, что не все вдруг сразу начнут всё понимать. Но если хотя бы сам тещ, а именно он и проповедует, начнёт понимать, что читал, уже будет хорошо. И я думаю, что эта задача-минимум уже исполнена. А когда хотя бы несколько прихожан смогут уловить пусть даже несколько фраз – будет замечательно.

Важно напомнить, что проповедь является частью богослужения, хотя некоторые могут считать, что она разрывает единую нить службы и мешают человеку молиться, лишает его молитвенного сосредоточения. Но каким было богослужение времён Иоанна Златоуста? Оно начиналось с чтения Писания (антифоны появились потом). И после чтения – сразу проповедь минут на 40, на час, а потом уже молитвы об оглашаемых, другие ходатайственные молитвы, и после этого Евхаристия.

Писание не существует в отрыве от его толкования. И это задача предстоятеля – помогать людям истолковывать только что прочитанный текст. А потом уже возможно и так называемое «лестничное богословие», когда хорошая мысль приходит в голову уже после проповеди, да и во время богослужения какие-то мысли вновь и вновь в тебе оживают, и ты говоришь их после отпуста, завершая службу, и развиваешь то, что не досказал после Евангелия, или рассказываешь о празднике, о дне памяти святого или каком-то собы-

тии. Так на службе может прозвучать несколько проповедей. В результате человек, регулярно посещающий богослужение, получает определённый опыт понимания.

Вот такой у нас очень скромный, небольшой опыт, и тем не менее видно, что у людей есть на это отклик, есть хорошее, доброе отношение и к богослужебному слову, и к проповеди после Священного писания.

Конечно, стоит говорить и о характере чтения Писания. У нас священник читает Евангелие лицом к народу. Я считаю, что это необходимо, потому что Евангелие – это не просто наша молитва Богу, это действительно Слово Божие, которое очень нужно всей общине. Конечно, его стоило бы произносить, обращаясь именно к церковному собранию.

Протоиерей Сергей Стаценко (Ташкентская епархия): Долг проповедничества не лежит исключительно на священнослужителях как на некоей касте. Проповедовать должны все. Призыв Христа «Идите, проповедуйте Евангелие всей твари» – это не благое пожелание, а долг каждого стоящего в храме.

Можно было бы продумать какую-то иерархию проповедников (в документе 1917 года они названы благочестивыми). Есть люди, которые могут быть приходскими консультантами, отличными проповедниками; это вполне можно поручить и женщинам. Такой опыт опробован в нашей епархии: этим занимаются студенты семинарии катехизаторского отделения (там учатся женщины).

И ещё у нас в кафедральном соборе каждый раз после чтения Евангелия выходит священник и озвучивает в синодальном переводе саму тему Евангелия и проповедует. Затем идёт чтение Апостола, и проповедуют уже семинаристы. Почему бы это не сделать общецерковной практикой?

...И ещё: проповедь, даже если она звучит достаточно харизматично, не всегда способна зажечь людей. Почему?

Люди приходят, внимают, сочувствуют, но встаёт вопрос – что дальше? Ведь если мы к чему-то людей побуждаем, то необходимо, чтобы организационно то, к чему мы побуждаем, мы же и организовали. Проповедь должна приводить к тому, что можно было бы обозначить английским словом action, т. е. не только активность, не просто действие, но как бы совмещение этих понятий, «наступательная позиция».

Предположим, мы говорим, что нужно заниматься благотворительностью. Хорошо, человек помог своему соседу и этим ограничивается. Но если мы организовали детский дом, дом инвалидов или ещё что-то, это слово проповеди будет гораздо более значимо для окружающих. Человек должен почувствовать в общине единомышленников свою востребованность. Если он приходит и выполняет какую-то работу, если он чем-то жертвует – своим временем, своими силами, то тогда слово проповеди принимает для него совершенно иное измерение. Для него проповедь уже находит своё воплощение. И этот момент воплощения проповеди – перехода от слов к делу очень важен. Как минимум на первых этапах Церковь должна брать эту «материализацию» слов на себя, вывести в свет новое служение – социальное, благотворительное, евхаристическое.

Иеромонах Макарий (Маркиш) (Ивановская епархия): Хотелось бы поделиться простой, известной всем священникам и большинству мирян притчей. Вот выходит священник на амвон, начинает проповедовать после литургии, стоит и рассказывает, рассказывает, рассказывает... Рядом староста: «Батюшка, все ушли, и вот я один остался. Возьми ключ, и когда закончишь...» (Смех.)

Что касается доклада Лидии Владимировны, мне хотелось бы сделать один акцент. Вы сослались на <митрополита Антония> (Храповицкого), который в свою очередь сделал крайне важное богословское заявление, что каноны церкви должны иереями переосмысливаться, уточняться и проясняться. Что такое проповедь? 64-е правило запрещает женщинам проповедовать, а тем не менее архиереи разрешают им проповедовать, потому что, по словам владыки Антония, проповедь в XX веке иная, нежели во II или III веке. Она объяснительная, она не догматическая. Собственно, это разговор людей друг с другом, а не догматическое изъяснение слов веры. И на основании этого архиерейского переосмысления, прояснения канонов мы сегодня имеем ту проповедь, которая у нас есть. И что касается проповеди мирян – она существует. А за прошедшие 100 лет общество, в котором мы с вами живём, настолько изменилось! Бог один, Церковь – Тело Христово – всегда одна и та же. Но 100 лет назад никто не мог предвидеть, что сегодня любой человек не просто может это сделать, а наверняка это делает – приходит

домой и тут же достаёт свой мобильный телефон и читает проповедь Святейшего патриарха, которую он произнёс в Успенском соборе. И это прекрасно! Но в то же время десятки тысяч мирян в этом же самом интернете и в тех же соцсетях порют такую ахинею, что переходит все границы. А ведь это воспринимается кем-то действительно как проповедь, потому что люди потом пишут нам, священникам: «Батюшка, вот, знаете, я в интернете вот это вот прочёл, там такой-то старец великий или проповедник это сказал...» Надо поддерживать вежливость, естественно, но я пытаюсь отвечать как можно жестче на эти вопросы, с тем чтобы люди, которые их задают, не только узнали, что есть правда, а что есть ложь, но чтобы они почувствовали, что не надо всё подряд воспринимать, любой вздор.

Проповедь нужна. Это очень важное дело. Но я не могу забыть и того, как однажды после будничной вечерней службы (погода плохая, народу мало) я одной монахине говорю: «Матушка, как думаешь? Может, сегодня пропущу проповедь?» А она отвечает: «Молодец, батюшка, правильно. Всегда лучше согрешить милостью, чем жестокостью». Так что я всегда стараюсь учитывать все обстоятельства.

И ещё: я понимаю, что не у всех есть возможность проповедовать. У кого-то получается удачно, у кого-то менее удачно. И вот у нас раз в две недели в типографии печатается листок А4, сложенный вдвое, с изложением – либо полностью, либо по необходимости сжато – очередной проповеди Святейшего патриарха. Несколько тысяч экземпляров печатаем, их привозят из типографии в епархию, благочинные разбирают и раздают по приходам. Любой священник в любой момент может взять этот листок и просто прочитать, или изложить, или раздать прихожанам. Прихожанам это и так и так надо. Вот даже не электронное средство, а просто печатное средство, которое тоже 100 лет назад было немислимо. И это не так мало, листочки с этими проповедями. Вот они, возможности для проповеди, пожалуйста. Так

что средства восприятия, механизм восприятия, в конце концов, технические средства меняются. И мы не можем на это закрывать глаза. И читая документ столетней давности или проповедь тысячелетней давности, мы должны применять их к тому, что мы имеем сегодня, здесь и сейчас.

Александра Колымагина, главный редактор газеты «Кифа»: Наш круглый стол посвящён теме миссионерского богослужения и во многом, конечно, ответом на то вопрошание, которое несколько раз прозвучало – как быть, когда мы читаем какой-то текст уже не в первый, а в 25-й, а то и в 50-й раз, – является, мне кажется, одно: когда в церковь приходят новые люди и всю общину беспокоит то, как они войдут в Церковь, как услышат слово, тогда вместе с этими новыми людьми мы все слышим это слово каждый раз по-новому. А если этого не происходит, тогда действительно начинается какое-то хождение по кругу. И поэтому, мне кажется, очень важно, чтобы всё то, о чём мы сегодня говорили, было обращено именно к такой общине, которую заботит, чтобы в неё приходили новые люди.

Прот. Дмитрий Карпенко: Большое спасибо всем, кто высказался сегодня. Очень важно, что здесь действительно собрались единомышленники. Нам не пришлось долго друг друга убеждать в том, что эта тема важная, актуальная, спорить, что-то доказывать. Действительно, все так или иначе говорили об одном и том же. А именно о том, что церковная проповедь сегодня должна быть, и она должна быть убедительной. Эта тематика должна обсуждаться, и мы должны находить новые подходы к осмыслению этого важного пласта литургического предания нашей церкви, которое необходимо актуализировать в обстоятельствах сегодняшнего времени. Конечно, мы не можем быть какими-то «изобретателями велосипедов», мы должны смотреть в прошлое, смотреть, как об этой теме говорили наши предшественники. Священный собор нашей церкви 1917–1918 гг., конечно, является очень важным событи-

Круглый стол «Церковное проповедничество сегодня». На первом плане прот. Сергей Стаценко и прот. Дмитрий Карпенко

ем, и значение этого собора до сих пор нами, может быть, до конца так ещё и не воспринято. Сегодня мы вновь осмыслили дух его постановления.

Церковная проповедь, конечно, звучит в наших храмах так или иначе. Она есть. Конечно, она нуждается в творческом одухотворении, вдохновении всех тех, кто проповедует. Но вдохновение должно основываться на опыте церковной жизни, на нашем совместном пребывании, на молитве, на участии в таинствах, на всём нашем церковном свидетельстве. И конечно же, должны быть, может быть, даже какие-то рекомендации, где буквально «по пунктам» было бы обозначено, что нужно делать в первую очередь и что потом. Я уверен, что сегодняшнее время даёт нам возможность для решения тех задач, о которых мы сегодня говорим. Мы, слава Богу, живём в творческое время, когда есть возможность высказывать свои мысли. Я думаю, что в таком добром созидании, соработничестве друг с другом всего нашего церковного сообщества – епископата, клира, мирян – мы найдём верный путь для того, чтобы церковная проповедь сегодня была убедительна, чтобы она вдохновляла нас самих прежде всего и, конечно, тех, к кому наше слово обращено. И поэтому я сердечно благодарю всех организаторов сегодняшнего нашего круглого стола – Синадальный Миссионерский отдел вместе со Свято-Филаретовским институтом – и всех, кто сегодня сюда пришёл, я думаю, по зову сердца. Надеюсь, что итоги нашего сегодняшнего собрания послужат небольшим вкладом в то дело, которое мы все делаем вместе.

О Пасхе – с научной точки зрения

Как получилось, что Вы читали лекцию о Воскресении на Тверском бульваре?

На Пасху правительство Москвы проводило городской праздник. И в его рамках предлагалось, в частности, прочитать лекции на разные темы, связанные с праздником. Волею случая такое предложение сделали Свято-Филаретовскому институту, и два преподавателя согласились выступить на городской площадке на Тверском

Рассказал москвичам, гулявшим по Бульварному кольцу, старший научный сотрудник ФИАНа Максим Зельников

бульваре. Там установили маленький павильончик, где сначала Александр Михайлович Копировский читал лекцию на тему «Как праздновать Пасху», а я, как человек обладающий физическим образованием, прочитал лекцию «Пасха с научной точки зрения».

Было сделано оповещение по первому каналу телевидения, по интернету. Но народу было немного, человек 20, ведь вообще говоря, на такие лекции сейчас люди не особо ходят. Правда, это

был предельный объём павильончика, в котором мы располагались, а на улице читать было невозможно, потому что было холодно.

И я, и Александр Михайлович постарались использовать эти лекции как возможность сказать людям о Пасхе по существу.

И о чём Вы рассказывали?

Поприветствовал всех, сказал, что я астрофизик, что представляю, как

«работает» наука, и поэтому хотел бы рассказать о Пасхе с научной точки зрения. Потому что Пасха – это основной христианский праздник, его празднуют с наибольшей торжественностью и придают ему наибольшее значение. И действительно: в основе Пасхи лежит событие Воскресения Христа, и сами христианские тексты утверждают, что если Христос не воскрес, то всё бесполезно, всё напрасно. Я читал лекцию на Антипасху и рассказал, что в этот день в храмах читают про апостола Фому, который, когда услышал, что явился воскресший Христос, сказал: пока не коснусь Его ран, не поверю. Вот это пример научного подхода: надо вначале чётко во всём убедиться, а потом верить. И я предложил: давайте посмотрим на событие Воскресения с внешней и с внутренней точки зрения.

С внешней точки зрения означало: что может сказать наука о возможности события Воскресения? А с внутренней точки зрения – как в опыте отдельных людей Воскресение действительно проявлялось или не проявлялось?

Я рассказал, что научный метод в принципе предназначен для исследования повторяющихся явлений. Но сама же физика знает большое количество очень важных явлений не повторяющихся, уникальных. К ним относятся, например, происхождение нашей вселенной. Наша вселенная существует в единственном экземпляре, и мы при всём желании не можем провести эксперимент и посмотреть, как она возникла, ещё раз. Поэтому наука может выдвигать гипотезы, экстраполировать что-то, но вот исследовать это доказательно, как всё остальное, она не может.

Второе такое же уникальное явление – возникновение человека. Сколько мы ни ищем во вселенной, пока никаких признаков других разумных существ, кроме нас с вами, не существует. И наука может сказать, что разумная жизнь – это явление крайне редкое. Ведь если даже чуть-чуть что-нибудь поменять, например, на несколько градусов поднять температуру тела, то человек не сможет жить. И можно сказать, что произошло крайне маловероятное событие. Но тем не менее оно случилось.

Что же касается Воскресения Христа, то это ещё более уникальное

событие. Потому что ни до Христа, ни после Него Сын Божий никогда не приходил на Землю и поэтому собственно воскресения такого именно, каким было Воскресение Христа, не было ни до, ни после. Так что никакой статистики мы исследовать не можем. Поэтому честная наука должна сказать: да, действительно это явление крайне маловероятное. Но возможность того, что оно произошло, с научной точки зрения не исключена, потому что, как мы знаем, уникальные явления действительно происходят.

С внутренней точки зрения мы можем посмотреть, как Воскресение Христа проявляется в жизни конкретных людей. Начнём с апостолов. Очевидно, что оно произвело в них радикальное изменение. То они сидели, прятались, боялись ареста, то вдруг они вышли и открыто стали проповедовать с совершенно какой-то непонятной смелостью и силой, и настолько успешно, что огромное количество людей последовало за ними. Очевидно, что было какое-то явное влияние на них, причём влияние радикальное. И тут я процитировал академика Алексея Александровича Старобинского, одного из участников семинаров физиков и богословов, которые проходят у нас в Свято-Филаретовском институте. Он сказал: «Мы не спорим с тем, что Бог существует, в следующем смысле. Когда мы говорим, что Он действует через людей, то действия людей, которые вызваны тем, что у них есть те или иные религиозные воззрения, – они есть, они абсолютно объективны и записаны в истории».

А потом я сказал, что, вообще говоря, действие события Воскресения, пасхальный опыт на самом деле есть в жизни каждого человека. Только мы его не узнаём. Он связан с тем, что мы, жертвуя чем-то своим, очень для себя важным, бескорыстно стараемся облегчить жизнь другому человеку. И мы знаем, какую радость в этом случае человек испытывает, какой импульс жизни он получает внутри самого себя, хотя для самого себя он что-то потерял, от чего-то отказался. Это, собственно говоря, действие любви. Вот этот опыт и есть пасхальный опыт. В жизни каждого человека он может проявиться сильнее или слабее. Но в жизни Христа он был явлен с максимальной полнотой.

Ну и в конце я предложил рассказать о пасхальном опыте в моей собственной жизни. И рассказал, как в 2000-м году встречал Пасху в 46-м отделении милиции. Я ехал на Пасхальную службу. Встретил в метро старика, который еле передвигался, и решил ему помочь, чтобы он не свалился на эскалаторе. Оказалось, что он едет к дочке, которая живёт где-то недалеко. Но у него проблема с памятью: он не помнит, где точно она живёт. Там ко мне присоединились ещё две сестры, которые ехали

на эту же службу. И мы решили втроём помочь дедушке добраться. Поймали для этой цели такси, посадили его и стали ездить по дворам, искать, где он живёт, надеясь, что он вспомнит. Но обнаружили, что, во-первых, дедушка ничего не узнаёт, во-вторых, уже темно и ночь, в-третьих, что на службу мы явно опоздали, в-четвёртых, у нас нет денег, чтобы заплатить таксисту. В этот момент таксисту пришла в голову светлая мысль, что рядом есть отделение милиции, надо туда обратиться, и они по базе найдут адрес стариковой дочки. Мы приехали в отделение. Но до нас там особого дела не было, потому что им нужно было порядок обеспечивать на Пасхальной службе, хулиганов ловить. Не до дедушек. Но мы стали их очень уговаривать и в конце концов уговорили. Никакой информации они вначале не могли получить, дело шло очень медленно. Тем временем наступила полночь, мы поняли, что пропустили ночную службу. Мы достали куличи и яйца, сказали «Христос воскрес!» и стали поздравлять милицию с Пасхой. Где-то часам к двум милиция уже совсем приняла нас за своих и говорит: вы не беспокойтесь, поезжайте домой, поспите. У нас тут есть комната, мы дедушку тут оставим, и он до утра переночует. А утром мы вызовем скорую помощь и отправим его в какую-нибудь больницу. Они нам не могут отказать, а мы у себя не можем его держать, мы же милиция. А там его подержат. Мы тем временем найдём адрес, и вы его отправите домой.

Потом они действительно нашли информацию. Оказалось, что действительно у дедушки есть дочка, что она действительно живёт где-то в этом районе, недалеко, а сам он жил в доме престарелых в Звенигороде. Потом там ему, видимо, надоело, он сел в электричку и сбежал в Москву. И потом кончилось всё это тем, что таксист нам ещё подвозил дедушку из больницы до Белорусского вокзала, чтобы мы могли отправить его в Звенигород. Вот такое чудо.

Для меня во всей этой истории самое большое чудо – это таксист. Потому что это был какой-то частник, бывший афганец, который подрабатывал. Сколько он мог за пасхальную ночь заработать, я уже даже и не говорю. А он всю ночь нас бесплатно возил, ещё и дедушке еды купил в ближайшем магазине. Но в результате мы подружились, обменялись телефонами.

Вот это я всё и рассказал. И потом мы ещё полчаса отвечали на вопросы. Был хороший разговор о Пасхе. Кто-то даже у меня попросил визитку. Так что можно быть благодарными за такую возможность действительно поразмышлять вместе с людьми о Пасхе по существу, неформально.

Беседовала Анастасия Наконечная